

18+

Владимир
Дараган
Корпорация

Владимир Дараган
Корпорация

«Издательские решения»

Дараган В.

Корпорация / В. Дараган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597103-6

Молодой программист приезжает в странный город, чтобы начать работу в очень странной корпорации. Кажется, что он попал в коммунистическое общество, где все счастливы, где по вечерам на кухнях не ругают власть. Появилась любимая женщина, друзья, все вроде у него хорошо, но в корпорации начинает происходить что-то непонятное. Жизнь в городе меняется, наш герой оказывается в центре событий. Можно ли насильно сделать людей счастливыми? Вот вопрос, на который пытается найти ответ герой книги.

ISBN 978-5-00-597103-6

© Дараган В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
В студии	6
Письмо	8
Прибытие	10
Интервью	13
Переезд	16
Первый день	21
В гостях у Ольги	27
Первый проект	31
В клинике	35
Проект-менеджер	38
Аналитик	42
Цвейг	46
Пикник	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Корпорация

Владимир Дараган

Дизайнер обложки Анастасия Кривоги́на

© Владимир Дараган, 2023

© Анастасия Кривоги́на, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-7103-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

*Утром клерки
С кофе в руках
Надевают маски корпоративной бодрости.*

В студии

Как ни старались люди, а дрянным получился этот город.

А все из-за химкомбината.

Нарисовали метеорологи розу ветров, и показала эта роза, что северный Борей прилетает на улицы в три раза реже, чем южный Нот.

– Нормально, жить можно, – сказали большие начальники и построили комбинат на северной окраине.

Но не учли эти начальники, что жители не любили южный ветер. Он приносил жару и липкую влажность, от которой можно было спрятаться только под кондиционерами – источниками простуд и ревматизма. В жару измученные жители ждали северного ветра с сухой прохладой, но вместе с прохладой по улицам расплзлось химическое зловоние, от которого не было спасения даже за закрытыми окнами.

Не задерживались люди в этом городе, жили тут готовые уехать в места, где небо синее, яркое, а не белесое от жары, расплавляющей облака. А раз так, то и город был какой-то запущенный, временный. Был тут парк с увядающими клумбами и пыльными деревьями и еще коричневая речка, в которой запретили купаться. Культура была представлена полупустым краеведческим музеем и театром, куда никто не ходил – местные артисты никудашные, а приезжих театральных талантов не удавалось сюда заманить ни деньгами, ни патриотическими призывами.

По никому неведомой причине улицы в городе были кривыми, а дома на них построили темными и скучными. Когда работники химкомбината подходили к обшарпанным дверям подъездов, радости на их лицах не возникало – эти двери просто отделяли рабочие проблемы от проблем домашних.

Вот тут я и жил, когда началась история, о которой хочу рассказать. Как меня сюда занесло? Случайно, по объявлению о работе. Объявление сопровождалось фотографией с привлекательным видом: синяя река, белые дома, над водой склонились ивы, а рядом с ивами стояли красивые девушки. Девушки улыбались, им явно нравилось тут жить. Потом я долго искал эти ивы и этих девушек, но тщетно. Вместо ив по берегам коричневой реки росли облезлые кусты, а красивых девушек в этом городе я не нашел.

Начну эти записи с описания вечера, когда я получил письмо, изменившее мою жизнь. Звучит пафосно, но это правда. До этого каждый мой день был похож на сотни других. Представьте: унылое жильё, скучная работа, ни друзей, ни женщины. Но главное – одиночество. Оно начиналось утром, когда я просыпался и рассматривал пятна на потолке, продолжалось на работе, где не с кем было общаться, и особенно остро ощущалось по вечерам. Из родных осталась только тетка – раз в месяц она звонила, чтобы пожаловаться на очередную болячку.

Эти строки я пишу спустя два года после начала моих приключений. Передо мной лежит дневник, он послужил основой книги, которую я пишу для предостережения. Хотя глупо надеяться, что анализ чужих ошибок позволит избежать своих. Мало кто принимает решение после

обдумывания возможных последствий. Так, что-то мелькнет в голове, но чертик за левым плечом подтолкнет, а дальше уж как получится.

Зовут меня Марио. Вы спросите: не итальянец ли я? Об этом каждый спрашивает при знакомстве. Отвечаю: бабушка была замужем за итальянцем и уговорила родителей так меня назвать. Так что итальянец я на одну четверть. Эта четверть любит макароны с подливкой, а остальные части любят жареную картошку и салат из помидоров.

По профессии я программист-аналитик. Это означает, что я пишу компьютерные программы не по заказу, а по велению души, чтобы разобраться в проблеме. Вот только на работе, а я тогда работал в страховой компании, я не занимался ни программированием, ни аналитикой. Меня посадили приводить в порядок таблицы с данными клиентов. Каждый месяц клиенты платили денежки в надежде, что это их уберезет от неприятностей в случае болезни и прочих неожиданностей. Таблицы должны быть понятны начальникам – вот этим я и занимался.

Жил я в съемной студии, окно которой выходило на дорогу, ведущую к комбинату. По вечерам, когда полагалось любоваться закатами и мерцающими облаками, я плотно закрывал окно, чтобы к запахам комбината не примешивалась гарь от выхлопа сотен машин. В это время рабочие комбината ехали домой, чтобы выпить холодного пива и набраться сил для следующего дня, похожего на предыдущий. В городе пиво пили все, считая, что вреда от него меньше, чем от местной водопроводной воды.

Опишу свою студию – это важно для понимания, почему я все бросил и отправился навстречу неведомому. Большую часть комнаты занимала кровать с красивым покрывалом, купленным в день переезда. Тогда я еще надеялся, что сюда будут приходить приятные гости. Прикроватную тумбочку заменял письменный стол, два раза в день он становился обеденным. Облезлое кресло у стола – единственное место, где в комнате можно было сидеть. В углу громоздился шкаф, одна его дверца плохо закрывалась, а вторая стояла у стены, дожидаясь, когда у меня появится желание заняться ремонтом. На комод у окна лежали важные вещи: зарядка для телефона, неразобранная почта и ключ от сарая, где хранился велосипед и коробки с ненужными предметами, которые могут когда-нибудь понадобиться. Над столом висела картина: пароход, похожий на «Титаник», мчался на встречу с айсбергом. Предыдущий жилец нацарапал внизу Memento mori, что делало картину очень философской. Другая картина висела над кроватью. На ней дремал Пан в окружении молодых обнаженных женщин. Вдоль одной из стен тянулся кухонный прилавок с встроенной плитой, холодильником и раковиной. На прилавке никогда не было ничего интересного, а тем более вкусного, так что описывать его не имеет никакого смысла.

Был я тогда молод, худ, носил очки и для солидности отращивал бороду. Днем работал, а по вечерам сидел за компьютером и мечтал куда-нибудь уехать. Год назад я написал прекрасное резюме, разослал его куда только можно и теперь ждал предложений. Иногда я это резюме перечитывал, восторгался собой и ругал работодателей за черствость и недалечность.

Письмо

В тот вечер, когда началась эта история, движение на дороге с химкомбината было особенно оживленным. Я сидел за столом, просматривал электронную почту и морщился от непрерывного гула за окном. И тут...

Вот оно, долгожданное, с заголовком «вакансия». Ах, что это было за письмо! Какая там была прекрасная строка: *«Корпорация-101 открывает позицию, с годовой зарплатой от...»*

Число после предлога «от» в два раза превышало мой заработок в страховой компании. Я прикинул возможные расходы, остаток умножил на три и резко выдохнул, пытаясь унять застучавшее сердце. Полученный результат означал, что через три года скромной жизни все мои финансовые проблемы будут решены. Я продолжил чтение, радуясь каждой новой строчке:

«Корпорация оплачивает переезд и трехлетнее проживание в комфортабельной студии, медицинскую страховку, абонемент в спортзал, обеды в кафе корпорации, тариф для телефона...»

Хорошие это были строчки, но все же мне больше нравилась первая, где были такие прекрасные цифры, сулившие невиданные до этого радости. Еще понравилось, что письмо было адресовано персонально мне. Оно начиналось со слов *«Дорогой Марио»* – уважительно, по-дружески. И конец письма был не менее замечательным – они выражали надежду, что я заинтересуюсь предложением.

Конечно я заинтересовался! Целый год ждал хоть чего-нибудь хорошего, а тут на голову свалилось сокровище, да что там – целый клад! Посидел я мечтательно минут пять, а потом задумался: в чем подвох? Ведь так хорошо в нашем мире не бывает. Как тут не вспомнить поговорку про бесплатный сыр.

В письме я нашел адрес корпорации. Город 101 – это еще что такое? На мое удивление такой город существовал. Компьютер сообщил, что вокруг города со странным названием 101 простирается пустынная прерия, небольшие перелески вдоль реки, до ближайшего аэропорта около ста пятидесяти миль. Основным работодателем в городе была Корпорация-101. На ее сайте я нашел только общие слова о непрерывном развитии и захватывающих перспективах, основанных на инновациях и оптимизациях. Сайт украшала фотография штаб-квартиры корпорации – мрачного трехэтажного кирпичного здания, растянувшегося на целый квартал.

Все ясно, в эту глушь можно заманить только деньгами и обещаниями. В письме был номер телефона, по которому обещали ответить на все вопросы.

– Корпорация-101, – раздался в трубке звонкий женский голос. – Меня зовут Хелен. Это Марио? Здравствуйте! Как я могу вам помочь?

– Да... здравствуйте, – опешил я. – А откуда вы узнали...

Было отчего опешить – звоните в какую-то корпорацию, а вас сразу называют по имени. Хелен, конечно, мне сразу понравилась. И голос у нее приятный – бархатно-вкрадчивый, ласковый. Да еще знала меня, ждала моего звонка.

– Мы с удовольствием ответим на все ваши вопросы, когда вы приедете на интервью, – перебила меня Хелен. – Мы оплатим дорогу и однодневное проживание в гостинице с питанием. Когда вам удобно?

Тут бы мне представить мышеловку, но вместо этого внутри восторг и замирание сердца.

– В субботу, – сказал я. – Это возможно?

– Прекрасно, – обрадовалась Хелен. – Ближайшая суббота вас устроит?

– Вполне, – я говорил не задумываясь, как будто заранее выучил ответы, и уже прикидывал, какую сумку возьму в дорогу.

– Отлично! – голос Хелен становился все радостнее. – Я вам пришлю электронные билеты на самолет и поезд. И еще купон с QR-кодом на такси от аэропорта до вокзала. Поезд приходит

в наш город в час дня. Гостиница «Золотой дождь» в десяти минутах от железнодорожной станции. Номер будет зарезервирован, талоны на питание вы получите на стойке регистрации. Вам хватит двух часов, чтобы перекусить и принять душ. А в три часа я буду вас ждать у входа в здание корпорации. Адреса я вам пришлю по почте. Вас это устроит?

– Да, конечно, – я не мог прийти в себя от такого темпа.

– Прекрасно! – Хелен засмеялась. – До встречи в субботу.

Вот так буднично, за столом с банкой недопитого пива у меня началась новая жизнь. Тогда бы мне задуматься – почему именно мне выпало такое счастье, но я не задумался, а просто обрадовался.

Прибытие

Странности начались уже в дороге, в старом вагоне с деревянными, местами потемневшими сиденьями. Было душно – пыльные окна не открывались. Вагонов в поезде было всего три, столько же было и пассажиров, которые устроились в среднем вагоне. Там же в углу дремал кондуктор в потертой, но чистой форме железнодорожника. Вагоны тащил паровоз – да, настоящий паровоз! Он натужно пыхтел на подъемах, разогнался на спусках, а иногда зачем-то гудел.

Станным было все: паровоз, старинные вагоны, количество пассажиров и плакат. Плакат у тамбура гласил, что 101 – это город счастья, которое у нас в руках. Счастье изображала улыбающаяся блондинка с круглым лицом и с букетом гладиолусов.

– Счастье в виде гладиолусов? – я подсел к пожилому мужчине, разглядывающему в окне степной пейзаж.

– Вы о чем? – мужчина повернул голову. Малоприятный тип. Темные, еле видимые из-под нависшего лба и густых бровей глаза, тонкие поджатые губы человека, недовольного жизнью.

Я кивнул головой на плакат, уже жалея, что начал разговор.

– А, вы про нее. Она работает в корпорации, обожает гладиолусы и безусловно счастлива.

– Вы ее знаете?

– Город маленький, тут все друг друга знают.

Мужчина еще раз оглядел меня, как будто хотел запомнить.

– А вас я в городе не видел. В гости или устраиваться на работу?

– На работу, сегодня интервью.

– Считайте, что вас примут. Тут так просто на интервью не приглашают. Как вас зовут?

Я представился.

– Итальянец? – поинтересовался мужчина.

Я рассказал свою историю.

– Понятно, – сказал мужчина и повернулся к окну.

Я сидел и не знал, что делать. Отсаживаться неудобно – зачем портить отношения с жителем города, куда я еду? Но и сидеть рядом было некомфортно.

– Странное название города, – попытался я продолжить разговор.

– У нас много чего странного, – мужчина прислонился головой к стеклу, отвечал неохотно, явно потеряв ко мне всякий интерес.

– А почему паровоз? – я решил узнать, как можно больше.

– Тут старая узкоколейка, железнодорожная компания нашла только паровоз, способный ездить по таким рельсам, – сказал он.

Мужчина, несмотря на духоту, поежился. Я понял, что разговор закончен, и тоже стал смотреть в окно, за которым проплывала прерия. Кое-где из травы торчали красные скалы, похожие на зубы гигантских животных. Ветер гонял зеленые волны, которые затихали в низинах, где росли невысокие деревья. Пейзаж не был скучным, скуку вызывало его однообразие.

– Поезд прибывает на конечную станцию, – раздался голос кондуктора. – Стоянка три минуты, после чего мы направимся в депо.

– Каждый раз он так пугает, – усмехнулся мужчина, вставая. – А поезд простоит полчаса у вокзала, потом ему заливают воду, и он отправится в обратный путь. А депо тут нет. Есть тупик с угольным складом и экскаватором.

– Экскаватором? – удивился я.

– Да, он грузит уголь в тендер. Вы, я вижу, многого не знаете. Паровозы на угле работают.

– Просто никогда не думал об этом.

– Тогда готовьтесь к сюрпризам.

Кондуктор объявил, что выход будет только из среднего вагона, ключом открыл дверь и, когда поезд остановился, вышел первым, протер ручку грязной тряпкой и встал в стороне, наблюдая за выходом пассажиров. Помимо меня и мужчины из вагона вышла молодая женщина, закутанная в платок. Солнцезащитные очки скрывали ее глаза, она легко спрыгнула на платформу и быстро зашагала к вокзалу. На плече у нее висела сумка, в которой позвякивали бутылки.

– Это Ольга, – сказал мужчина. – За вином ездила.

– Тут вино не продается? – удивился я.

– Тут много чего не продается, – махнул рукой мужчина. – Но в этом есть свои плюсы.

Деревянное здание вокзала было аккуратно покрашено в зеленый цвет. Из украшений были столбы-колонны, пирамида на крыше и шпиль, похожий на флагшток. Вокруг не было ничего лишнего, на перроне не было даже скамеек. У входа в вокзал стояла пустая урна настолько чистая, что не возникало и мысли туда что-нибудь бросить. Около урны дремала черная собака, на приезжих она не обратила никакого внимания.

– Вам, наверное, в гостиницу? – спросил мужчина.

– Да, в «Золотой дождь», – сказал я, вспомнив письмо из корпорации.

– Других гостиниц тут нет, – вдруг улыбнулся собеседник. – Идите от вокзала прямо, минут через десять справа увидите двухэтажный желтый дом с мезонином. Это и есть гостиница.

Привокзальную площадь окружали скучные кирпичные дома. Единственным украшением площади служил неработающий фонтан. Еще я заметил стеклянную автобусную остановку, у стены которой стоял велосипед без обычного замка с цепью. Мой собеседник быстро исчез в каком-то переулке, а я направился по указанной улице. Туда же направилась и Ольга.

Улица была явно центральной, с двумя полосами движения, широкими тротуарами и старинными фонарями. Первые этажи занимали магазины и конторы. Странная это была улица. Магазины работали, я видел, что внутри сотрудники раскладывали товары, мыли полы или протирали прилавки. Для кого? Я не заметил ни одного покупателя. И никого не было на этой улице, ни машин, ни пешеходов. Только я и Ольга со своими бутылками. Я шел сзади и удивлялся – изящная фигурка, черные колготки, черная мини-юбка и такая же черная водолазка. И при этом на плече болталась нелепая холщовая сумка. Но Ольга так непринужденно несла ее, что казалось, сумка специально пошита для ее наряда. Как, впрочем, и ее платок, завязанный на волосах сзади красивым узлом.

У двухэтажного желтого здания Ольга вдруг остановилась.

– Вам сюда, – сказала она. – Желаю удачи!

И пошла дальше, не слушая мои благодарности. У входа в гостиницу на маленькой табуретке сидел мужичок в рабочей спецовке, задумчиво поглядывая то на дверь, то на ящик с инструментами.

– Перекосилась, – сказал он. – То ли от жары, то ли от сырости. Теперь не закрывается. Я им говорю, а зачем закрывать? Воров в городе нет, а если кошка или другое животное, так прикрой дверь и спи спокойно.

– Может, петли крепче прикрутить? – посоветовал я.

– Может и петли, – согласился мужичок. – А может и не петли. Тут подумать надо.

Я зачем-то кивнул, осторожно открыл дверь, посмотрел на петли, которые еле держались в дверном косяке, и вошел в прохладный темный холл, где пахло чем-то химическим, как будто только что прошла генеральная уборка.

– Есть тут кто? – громко спросил я.

– Есть!

Дверь за стойкой открылась, и появилась ухоженная женщина неопределенного возраста. В темноте ей можно было дать тридцать, но, когда она включила на стойке лампу, яркий свет сразу добавил лет пятнадцать. На женщине были кремовые брюки, белая кофточка с большим вырезом, на шее ожерелье из мелких жемчужин.

– Вы Марио? – спросила она. – Ваш номер двадцать первый, на втором этаже, вот ключ. Наш ресторан сейчас закрыт, но я вам приготовлю бутерброды, фрукты и чай. Все это принесу в номер минут через десять. А пока располагайтесь, умывайтесь и отдыхайте. Корпорация на соседней улице, вы можете не торопиться. До трех еще куча времени.

Я решил ничему не удивляться, взял ключ, прикрепленный к тяжелому металлическому шарик, и пошел к винтовой лестнице – узкой и крутой.

– А как вы на второй этаж мебель заносите? – спросил я.

– Через окна, – объяснила женщина. – Но мы давно все занесли, сейчас никаких проблем нет.

– А много у вас постояльцев?

– Сегодня вы один. Так что чувствуйте себя свободно, никто вас беспокоить не будет.

– Я думал, что на интервью в корпорацию приезжает много народу.

При слове «корпорация» женщина немного напряглась.

– Это я не знаю, – сказала она приглушенным голосом. – Мое дело следить за порядком и создавать удобства нашим гостям. Кстати, меня зовут Марина, обращайтесь ко мне в любое время, телефон у вас в номере.

– Спасибо вам, – поблагодарил я и начал подниматься на второй этаж.

Номер оказался большим и уютным со старинной мебелью из светлого дуба. На высоком комод стояла ваза со свежими георгинами, на столе были аккуратно разложены буклеты с рекламами, а среди них расположился допотопный телефон с наборным диском. Телевизора в номере не было. Через приоткрытое трехстворчатое окно дул свежий ветерок, колыхая цветастую льняную занавеску.

Я поставил сумку в угол, умылся, снял ботинки, бросился на кровать и достал свой телефон. Никакого сигнала. Я долго смотрел на надпись «no service», потом подошел к окну и стал высматривать вышку. Вышка стояла на холме, вроде все в порядке, но сигнал так и не появился. Так можно любой тариф оплачивать – это первое, что пришло в голову. Потом подумал, что здесь что-то не так, но мои мысли прервал стук в дверь. Это пришла Марина. Я помог ей поставить поднос на столик, поблагодарил, но она не уходила.

– Ваш телефон тут работать не будет, – сказала она, показывая на телефон, лежавший на кровати. – Если вас возьмут на работу, то выдадут новый. Вот с ним проблем не будет.

Она достала из заднего кармана большой черный телефон, зачем-то его мне показала, подышала на экран, протерла платочком и убрала обратно.

– У вас тут все необычно, – сказал я.

– Да, не как у всех. Но жизнь спокойная, мне нравится. И платят хорошо.

Всем своим видом Марина показывала, что ей спокойно и тут действительно хорошо платят.

– Не скучно? – спросил я.

– Скука она изнутри идет, – сказала Марина, немного оживившись. – Другим скучно в самом веселом месте. А мне всегда есть чем заняться.

Она помолчала, потом подошла к комоду, оторвала засохший лепесток у георгина, пожелала приятного аппетита и ушла.

Интервью

Здание корпорации и правда растянулось на целый квартал. Я долго шел мимо запыленных окон, пока не добрался до перекрестка. Тут и оказался главный вход – стеклянная стена на три этажа сверкала, удивляя своим контрастом с неприглядностью остальной части здания. У двери с огромной никелированной ручкой меня поджидала полноватая блондинка, улыбка, с ямочками на щеках. Черный брючный костюм и белая блузка придавали ей официальный вид, но не умаляли женственности.

– Очень рада, – сказала она, протягивая руку. – Я Хелен. Марина вас накормила, все в порядке?

Я рассказал о гостеприимной встрече, искренне похвалил бутерброды и чай.

– Марина молодец, – сказала Хелен, – Мы совершенно спокойны за нашу гостиницу, она в надежных руках.

– Гостиница принадлежит корпорации? – спросил я, хотя ответ предвидел.

– Да, конечно, это для наших гостей.

– Она не переполнена. Наверное, убыточная?

Хелен пожалала плечами и немного нахмурилась.

– Мы можем себе это позволить.

Зря это спросил, так со мной часто случается. Лягну что-нибудь, потом расхлебываю. Пришлось извиняться.

– Ничего страшного, вы еще многого тут не знаете, – сказала Хелен и снова заулыбалась. – Главное у нас не прибыль, а удобство и качество обслуживания. Мы планируем поднять Марине зарплату и сменить ей телефон на красный.

– Цвет телефона так важен? – удивился я.

– У красных телефонов больше возможностей, – сказала Хелен. – Все это вы узнаете позже, а сейчас пройдемте в мой кабинет, я задам несколько вопросов. Я работаю с персоналом корпорации и всегда начинаю интервью с кандидатами. Сейчас в здании никого нет, но вскоре приедут специалисты и они продолжат беседу.

В холле горел яркий свет. Стены были покрыты светлыми деревянными панелями, на одной стене громоздился огромный щит, с прикрепленными металлическими буквами, из которых складывались слова: Креативность, Консенсус, Качество, Самоорганизация, Индивидуальный рост, Коллаборативность, Открытость, Гибкость, Инновация, Уверенность, Дорожная карта, Выбор цели... Мелкими буквами на пластинках были написаны длинные тексты, которые я прочитать не успел.

– Это девизы нашей работы, – объяснила Хелен. – И заодно критерии, по которым мы оцениваем эффективность сотрудников. Так что это не просто красивые слова, это важные слова. Над разработкой этих девизов работала специальная комиссия, и я была председателем этой комиссии.

Мы подошли к охраннику в черном костюме, белой рубашке с синим галстуком. Он почтительно наклонил голову, когда приблизилась Хелен, и нажал кнопку, чтобы вертушка турникета свободно провернулась.

– Я рада вам сообщить, – сказала Хелен, когда мы поднялись на второй этаж и остановились у закрытой двери, – первый тест вы уже прошли.

– Вы имеете в виду мое резюме? – уточнил я.

– Нет, я имела в виду дресс-код. Вы пришли в нормальных брюках, рубашке и в кожаной обуви. Это правильно. Мы не любим, когда приходят айтишники в кроссовках, джинсах и свитерах. Почему-то они считают, что им позволительно не обращать на одежду внимания. Это

неправильно. Одежда организует, в правильной одежде повышается ответственность за слова и дела. Да, все забываю спросить. У вас итальянское имя, вы из Италии?

– Нет, – я рассказал свою историю.

– Понятно, – сказала Хелен. – Впрочем, кое-что о вас я узнала до вашего приезда.

Она приложила телефон к валидатору, сверху загорелась зеленая лампочка, дверь медленно открылась, и мы направились по длинному коридору с белыми стенами мимо бесчисленных металлических серых дверей. У одной из них мы остановились.

– Это мой кабинет, заходите, – Хелен сделала шаг в сторону, пропуская меня вперед.

Немыслимую чистоту и холодность комнаты скрашивали угловой диван, на котором лежал свернутый красный плед, и журнальный столик с кофейником и грязной чашкой посредине.

– Присядем на диван, – предложила Хелен. – Пусть наша беседа не будет формальной.

– Чай, кофе? – спросила она и, не дожидаясь ответа, переставила чашку на письменный стол, взяла планшет, и села рядом.

– Начальник поручил вам проект, который кажется невыполнимым. Ваши действия? – спросила она, глянув в экран планшета.

Вопрос стандартный, наилегчайший – я знал правильный ответ из многочисленных советов, которыми были забиты сайты для желающих найти работу своей мечты.

– Я начну этот проект. Возможно, я что-то не знаю или недостаточно компетентен, чтобы понять все до конца.

– Хорошо, – Хелен поставила плюс в квадратик на экране. – Вы убедились, что ваш начальник совершенно некомпетентен в проекте, который вы выполняете. Или вообще вопиюще некомпетентен во всем. Ваши действия?

Этот вопрос был сложнее, в сети такое не обсуждалось. Я решил ей польстить.

– Если я в этом убежден, то сообщу вышестоящему начальнику. Или вам.

– То есть через голову вашего начальника?

Вот он – подвох!

– Я могу ничего не говорить, а пытаться работать так, чтобы некомпетентность начальника не мешала нашей работе. Или минимизировать вред от его некомпетентности.

– Много лучше! – кивнула Хелен и продолжила, – вы заметили, что ваш коллега отлынивает от работы, постоянно делает ошибки. Ваши действия?

– Это не мои проблемы. Пусть начальник разбирается.

– А если вы работаете над одним проектом?

– Поговорю с ним по-мужски.

– Не поставив начальника в известность?

– У него своих забот полно.

– Неплохо.

Я заметил, что Хелен поставила плюс с минусом.

– А какой правильный ответ? – спросил я.

– Вы должны сообщить об этом мне, а дальше уже не ваша забота. Но ваш метод тоже неплох.

Вопросы сыпались непрерывно. Через час я почувствовал, что стал заплетаться язык, в висках застучало, во рту пересохло. Хелен же выглядела свежей, даже свежее, чем когда я ее встретил.

– Допустим, что у вас мнение отличное от мнений других сотрудников. Как вы будете его отстаивать?

– Буду отстаивать, если уверен. Или пошлю всех к черту, если это неважно для дальнейшей работы.

– Как вы относитесь к совещаниям?

Я решил сказать, что думаю.

– Ненавижу! Они нужны только начальникам – показать, что они тоже работают.

– Вы и в эффективность мозгового штурма не верите?

– Не верю. За столом будет сидеть только один специалист, вот с ним я потом и поговорю.

Хелен закрыла планшет.

– Последний вопрос. Что вас привлекает в нашей корпорации, кроме повышенной зарплаты?

– Ничего больше! – выпалил я. – О вас ноль информации в сети. И вы это знаете.

– Прекрасный ответ! – Хелен даже захлопала в ладоши. – Наша корпорация ценит сотрудников, которые не кривят душой и говорят правду.

Тут она посмотрела в телефон и торжественно объявила:

– Марио, я рада официально объявить, что мы согласны принять вас на работу в нашу корпорацию, начиная со следующего понедельника. Сообщите, когда прислать машину для перевозки вашего имущества, если вы согласны принять наше предложение.

– С удовольствием принимаю ваше предложение, – я оживился. – А как же беседы со специалистами?

– Они проверили ваше резюме, поговорили с вашими коллегами на старой работе и считают, что вы нам подходите. И они следили за нашей беседой.

Она показала на камеру, висевшую в углу.

– Главное, вы прошли тесты, разработанные в моем отделе, – добавила она. – Трехгодичный контракт я вышлю по электронной почте, но учтите, что он будет немедленно расторгнут при малейшем проступке или обнаружении вашей некомпетентности. А сейчас вы можете идти отдыхать и знакомиться с нашим городом. Марина к семи приготовит вам горячий ужин.

– А почему он называется город Сто Один?

– А это вам первое задание. Узнайте это самостоятельно.

Хелен заулыбалась, официальность исчезла с ее лица.

– Вы шурились, – сказала она, когда мы вышли на улицу. – Последний раз вы меняли очки три года назад, вам надо сходить к врачу.

Я решил не удивляться такой осведомленности.

– У нас хорошие врачи, – добавила она. – И все бесплатно. Позже вы узнаете все детали вашей страховки.

Я побродил по улицам, посидел в парке в тени акации, заскучал и направился в гостиницу. Марина накрыла столик в пустом зале ресторана, поставила тарелку с вареным мясом и жареной картошкой, салат из помидоров, стакан чая и оставила меня одного. Я поужинал, почувствовал, что смертельно устал, пошел в номер и лег спать.

Откуда они узнали, что я люблю жареную картошку и помидоры? И когда они успели поговорить с моими коллегами?

Переезд

Тяжелый был день. Небо заволочило серостью, духота, как перед грозой. Вытирая пот, я заклеивал последнюю коробку. «Посуда» – написал я черным фломастером и обессиленный сел на пол. Звякнул телефон. «Машина прибыла», – высветилось на экране. Я выглянул в окно. У подъезда стоял крытый пикап, у которого мужчина лет тридцати протирал фары. Был он плотным, но не толстым, посверкивал бритой головой, завершали портрет потертые джинсы и черная футболка. Все в нем внушало уверенность и спокойствие – такие, наверное, очень нравятся женщинам, мечтающим о крепком плече, на которое можно опереться, и широкой спине, за которой можно спрятаться.

– Поднимайтесь! – крикнул я.

Шофер аккуратно сложил тряпку, положил в кабину и направился к подъезду.

– Зови меня Цвейг, – сказал он, оглядывая комнату. – А ты Марио. Итальянец, что ли? Впрочем, мне все равно. Мое дело доставить твоё барахло и тебя, если ты согласишься.

Он подошел к пакету с простынями и покрывалом.

– Это брать не надо. Корпорация богатая, все тебе выдадут, да еще раз в неделю будут менять на свежее.

– И посуду брать не надо, – добавил он, постукивая носком ботинка по коробке, которую я только что заклеил. – Дадут тебе посуду. Французскую, небьющуюся. Ее специально для яхтсменов придумали. В середине белая, а по ободку цветы голубые. Дурные, впрочем, цветы. Таких и не бывает нигде. Тарелки надо мыть в посудомойке, но только с жидким мылом. Если порошок возьмешь, они поцарапаются. Потому что пластик, но говорят, что безвредный. А я не люблю жидкое мыло – если что на тарелке засохло, то это толком не отмоешь. Меня Марина из гостиницы, правда, научила, что надо замочить, и только потом в посудомойку. Там есть специальный режим. Сам увидишь.

– Ты Марину знаешь? – мне почему-то было приятно услышать знакомое имя.

– А кто ее не знает? Меня сначала в гостиницу поселили, дом достраивали, так что я с Мариной долго общался. Муж у нее начальник, деньги ей не нужны, она там для удовольствия работает. А какое там удовольствие? Гостиница пустая стоит, Марина целыми днями красоту наводит, ногти полирует, да сериалы смотрит.

Цвейг ходил по комнате, разглядывая надписи на коробках.

– Книги тоже не бери, тебе планшет выдадут, там тыщи книг на все темы. Я сам читать не люблю, но в рейсе аудишки слушаю. Недавно какого-то классика слушал, чуть не заснул.

– А куда все это девать? – перебил я его.

– Тебе корпорация будет три года любой склад оплачивать. Я приволок свои пять коробок, в сарай поставил, а там сыро, они плесенью покрылись. А на складах за все отвечают – если плесень или мыши, так ты с них денежки получишь. Так что коробки оставь. Туда я их бесплатно отвезу, а когда тебя уволят, то придется тебе за свой счет их везти, а от нас везти знаешь какие цены?

– Уволят? – я насторожился. – И часто у вас увольняют?

– А то! – Цвейг присел в кресло. – Вопросы будешь задавать – враз уволят. Вот у меня дружок спрашивал – почему алкоголь в городе не продают? Раз спросил, два спросил, а в третий раз уже уволенным спросил. Но так ответа и не получил.

Цвейг рассказывал с удовольствием, намолчался, наверное, пока сюда ехал.

– А почему, кстати, не продают?

– Вот ты и попался. Не надо вопросы задавать. И вообще много говорить не надо. Спросят – ответь. Но кратко, как в армии. Но сначала посмотри вокруг.

Тут Цвейг оглядел стены комнаты.

– Нет тут микрофонов, будь спокоен, – сказал я.

– Я знаю, здесь ты никому не нужен. Это я по привычке. У меня ты можешь спрашивать. Что положено – скажу. Или сам расскажу, что мне велено.

– А что мне тогда брать? – я стал бесцельно двигать коробки. – Велосипед можно? Он у меня в сарае.

– Валяй, – кивнул Цвейг, – не пустым же мне ехать. Хотя, там всяких велосипедов и самокатов, как лягушек в болоте.

– А компьютер?

– Разве что для мебели. Там тебе дадут, какой ты и во сне не видел. Мне тоже дали. Сказали, чтобы осваивал. Дескать, пригодится в жизни.

– Но хоть одежду брать? Или там спецформу выдают? – разговор становился все более интересным.

– Одежду бери. Ну там бритву, вазы всякие. У тебя в комнате будет полка для всякой красоты. Картинки бери...

Тут он посмотрел на картины.

– А это зачем оставил? Красота, корабль плывет. А что за мужик голый?

– Это картина Эмиля Бена. Тут Пан, учитель Аполлона.

– Чему он его научил? – заинтересовался Цвейг.

– Дару предсказания, а Аполлон уже научил Кассандру – полюбил он ее.

– Так вроде Пан с рогами и копытами, – удивился Цвейг.

– Женщины, что вокруг, любят Пана и не замечают его рогов и копыт. Так что Пан тут такой, каким его любят женщины.

– Вон оно как! – заулыбался Цвейг. – Впрочем, у мужиков так же. Полюбишь костлявую козу-егозу, а кажется, что Венера рядом с тобой шагает. Снимай свой корабль и Пана с бабами заворачивай в бумагу. У тебя на стенах будут специальные крючки для картин.

– «Титаник» не мой, он тут висел до меня.

– Все равно заворачивай. Если хозяин возникнет, корпорация оплатит. Поначалу она все оплачивает. А я пока позвоню на склад. Мне их телефон дали, заботятся о тебе в моем лице. Склад по дороге, мы быстро управимся.

Я завернул картины, заклеил углы скотчем, поставил около двери. Цвейг по-хозяйски оглядел комнату, удовлетворительно хмыкнул.

– Ты как решил – со мной едешь или на самолете? Билет тебе заказали на завтра, но со мной ты прибудешь на два часа раньше. Да и где ты будешь спать эту ночь? Комфорта в пути не обещаю, ночевать будем в мотеле, но хоть поболтаем, все веселее в дороге будет.

Я кивнул. Цвейг вытащил телефон, что-то напечатал, сказал, что билет отменил и пошел к машине за тележкой.

– Цвейг – это имя или фамилия? – спросил я, когда мы сели в кабину.

– Неважно, просто так меня называй.

Я огляделся, увидел камеру, висящую у нас за спиной, и решил держаться осторожно. Цвейг вдруг хлопнул себя по лбу и достал из «бардачка» коробку.

– Это твой телефон. Коробку береги. Если придется возвращать, то коробку потребуют. Я осторожно отклеил скотч, поднял крышку, в коробке лежал красный телефон.

– Ух ты, сразу красный! У Марины я видел черный.

– Меня предупредили, что ты важная птица.

Я пожал плечами. Откуда такое отношение к начинающему программисту?

– Убери, здесь он не работает. В городе свои частоты, своя кодировка. Там он заработает.

– Но ты смог мне переслать сообщение.

– На стандартных частотах мой телефон работает. Я шофер, мне надо.

На складе мы разгрузили часть коробок, мне вручили квитанцию, и машина понеслась по шоссе.

– Давно в том городе? – задал я нейтральный вопрос.

– Два года, – Цвейг отвечал охотно, тишину он явно не любил. – Искал работу, мне письмо прислали. По-другому в город не попасть.

– Он что, закрытый? Вроде поезд туда ходит.

– А толку? Приедешь, походишь и назад уедешь. Работу не найдешь, квартиру так просто не купишь – все новые дома строит корпорация, а она кому попало не продает.

– Зарплата, я понимаю, хорошая?

– Этим и держат. Впрочем, я всем доволен. Некоторым скучно, но я шофер, могу и в дороге развлечься.

Машина неслась по шоссе, явно превышая допустимую скорость. Цвейг вел уверенно, обгоняя попутных, включал поворотники, плавно меняя ряды. Солнце начало спускаться к горизонту – пыльному, как мне казалось. Я опустил козырек и прикрыл глаза.

– С Хелен общался? – вдруг спросил Цвейг. – Будь с ней вежливым, не спорь.

– Это я уже понял, – сказал я, не открывая глаз. – Вот только не понял, чем занимается корпорация?

Я почувствовал, что Цвейг повернулся ко мне. Я тоже повернулся, открыл глаза и увидел, что Цвейг слегка покачал головой.

– Я вожу пикап, это знаю хорошо. Тебя направят в отдел, там все расскажут.

Цвейг надел темные очки и прибавил скорость.

– Кстати, а почему город сто один? – спросил я, вспомнив задание Хелен.

– Сто один – это расстояние от аэропорта в милях. На самом деле расстояние по шоссе сто пятьдесят миль.

– Тебя это не удивило?

– Меня там быстро научили не удивляться. Тебя тоже научат. И правильно сделают.

Разговор стал напряженным, я решил помолчать и снова закрыл глаза.

Одноэтажное здание мотеля примостилось у самой дороги. Вокруг простиралось поле, заросшее полынью и какими-то колючками. Двери номеров выходили на улицу, у каждой двери стояли два грязных пластиковых стула и зачем-то гриль.

– Твой номер девятый, – сказал Цвейг, выходя из лобби. – Я в соседнем.

– Рядом кафе, – продолжил Цвейг, – мили две отсюда. Сгоняем поужинать? Здесь только бутерброды и всякая жидкая дрянь в банках. Тут мы утром позавтракаем. Завтрак тоже обещаю дрянной, но нам хватит, чтобы доехать.

К кафе мы подъехали, когда солнце уже село, раскрасив небо в красный цвет. В зале кроме нас никого не было. Подошла полная, но быстрая официантка. Лицо в веснушках, улыбка не сходила с ее лица.

– Мы закрываемся через полчаса, – сказала она, доставая блокнот. – Из горячего только гамбургеры. Если хотите, мы сделаем омлет.

– Гамбургеры, – сказал Цвейг, посмотрев на меня. Я кивнул.

– Кофе?

– Нет, нам что-нибудь без кофеина. Вставать в пять утра, надо успеть выспаться.

– Может пиво? Для меня это отличное снотворное, – предложила официантка.

– Можно пиво.

Я опять кивнул.

– Не скучно тут? – задержал официантку Цвейг.

– А сами как думаете? – официантка была не прочь продолжить беседу.

– Не замужем?

- Мой жених еще не приехал в мотель. Вы ведь оттуда?
- Откуда еще, – засмеялся Цвейг, – но из меня жених никудышный, вот может Марио согласится?
- Красивое имя, – заулыбалась официантка. – Марио, возьмешь меня в жены, увезешь отсюда?
- Из одного захолюстья в другое? – я вздохнул и отвернулся к окну. Это пустой разговор меня раздражал.
- Вернусь через минуту, – официантка спрятала блокнот в карман, ушла на кухню и почти сразу вернулась с двумя бутылками.
- Зря ты про захолюстье, – сказал Цвейг, потягивая пиво. – Наш город так называть нельзя.
- Посреди прерии, вокруг только змеи и суслики.
- Наш город так называть нельзя, – повторил Цвейг.
- Он что, центр какой-то?
- Считаю, что так.
- Центр чего?
- Где ты видел захолюстье с такими зарплатами? – Цвейг ушел от ответа. Я зачем-то кивнул и промолчал.

– Твоя студия двести три, – сказал Цвейг, когда мы подъехали к светлому трехэтажному зданию. – Я занесу вещи, а ты спустишься в подземный гараж. Там боксы, ищи свой номер, велосипед оставь там.

Вокруг здания росли недавно посаженные ели и березки. Виднелась волейбольная площадка, тренажеры и даже теннисный корт.

- Красиво тут, – сказал я. – Центральная улица более строгая, не такая светлая, что ли.
- Здесь тихо, – кивнул Цвейг. – Я живу в здании за кортом. Номер триста двадцать три.
- А где питаетесь, сами готовите?
- В корпорации неплохая столовая. Там можно брать на вынос готовые блюда, а дома разогревать. Отсюда до корпорации пешком десять минут.
- Удобно. Мне уже все нравится.
- Отлично, – сказал Цвейг и полез в кузов пикапа.

В гараже я поежился – прохладно, пустынно, но горели все лампы. Несколько необычно чистых машин стояли, уткнувшись носами в стенки. Я прошел в дальний угол гаража, где находились боксы. Замков на дверях боксов не было. Не было даже петель для навесных замков. Вот так – приходи и забирай, что тебе приглянулось. Я закатил в бокс велосипед и пошел к лифту. Цвейг ждал меня в коридоре.

– Держи ключ, на брелке номер телефона – это администрация здания. Малейшие проблемы – звони. Мастер приходит в течение получаса. Сам ничего не ремонтируй. Крючок для картины над кроватью. Есть еще один над столом. В холодильнике продукты на первое время. Мне сказали, что учли твои вкусы. Отдыхай, устраивайся. Завтра в восемь тебя встретят у главного входа. Я тебе сделал звонок, так что мой номер у тебя есть. Если что – звони. Коробки я занес, не скучай.

- Откуда корпорация знает мои вкусы? – удивился я.

Цвейг ничего не ответил, хлопнул меня по плечу и ушел. В конце коридора он обернулся, помахал мне рукой и направился к лестнице.

Комната мне показалась огромной – казалось, что кровать, стоявшая в углу, почти не занимала места. Я осмотрелся и порадовался дивану, креслу, комоду, обеденному столу с четырьмя стульями. А еще в комнате стоял письменный стол с новеньким рабочим креслом,

а вдоль одной из стен тянулся кухонный прилавок. Я подошел к письменному столу, посмотрел на огромный экран компьютера и планшет. Достал из коробки свой телефон, и на экране сразу высветилось сообщение, что мое лицо опознано и мне разрешено войти в основное меню. Я коснулся экрана и стал изучать иконки приложений. Все незнакомые, но понятные: заказ еды, такси, карты, прокат спортивного инвентаря, шагомер, браузер, почта... Магазина приложений не было. У иконки почты горела красная единица – первое письмо сообщало, что корпорация приветствует Марио, желает хорошего отдыха в день приезда, надеется, что студия понравилась и что его будут ждать завтра утром.

Я повертел телефон, но не нашел логотипа фирмы изготовителя. Как и на планшете. В меню планшета была добавлена иконка электронной библиотеки. На первой странице библиотеки сообщалось, что мне *«доступны тысячи книг по математике, программированию, биологии, экономике, а также большой выбор художественной и научно—популярной литературы. Корпорация заинтересована в непрерывном образовании сотрудников, желает мне приятного чтения и всегда готова прийти на помощь в выборе книг»*.

– Значит, все будет под контролем, – сказал я всей этой технике и пошел к холодильнику. Я почти не сомневался, что найду там любимое светлое пиво.

Так и оказалось.

– Почему же я такая важная птица? – спросил я у стены, сделав первый глоток.

Первый день

– Поздравляю с началом работы в нашей корпорации!

В холле меня встретил суховатый мужчина лет сорока, он улыбнулся, протянул руку. Пожатие крепкое, быстрое.

– Ваш пропуск активирован в телефоне. Пока он работает на два этажа. Наша комната сто тринадцать на первом этаже, ваш кубик сто пятнадцать. Меня зовут Иден, я ваш супервайзер.

Цвейг, Иден – тут прямо клуб самоубийц, подумал я. Потом стал раскладывать информацию по полочкам памяти: комната сто тринадцать, кубик сто пятнадцать... Иден говорил без остановки, не дожидаясь моих утвердительных кивков.

– В нашем отделе мы, в частности, следим за работой других отделов, находим и устраняем «бутылочные горлышки», следим за выполнением планов, за ростом квалификации сотрудников, за эффективностью расстановки кадров.

– А кто следит за работой вашего отдела?

Иден закатил глаза и показал пальцем на потолок.

– Пройдемте, я вас представлю нашим аналитикам.

Коридор на первом этаже ничем не отличался от коридора на втором – белые стены, серые двери. Иден открыл дверь с номером тринадцать, пригласил войти, громко сказал:

– Познакомьтесь с новым аналитиком. Это Марио.

Из стен кубиков показались головы, потом поднятые вверх руки, начались аплодисменты, быстро закончились, головы исчезли.

– Вот ваше место, – Иден подошел к пустому кубику, достал из кармана бумажку.

– Это пароль к компьютеру на первый раз, потом он будет опознавать вас по лицу. Осваивайтесь, потом подходите к кубику номер сто, я вам расскажу, чем вы будете заниматься.

Я потрогал стены кубика – под серой тканью ощущался поролон. Кубик мне понравился: П-образный стол, два компьютерных экрана, клавиатура, черная мышка на сером коврик. В ящике стола лежали блокноты с желтыми страницами, ручки, фломастеры, карандаши...

– Меня зовут Ольга, – услышал я за спиной.

Да, та самая Ольга, с которой мы ехали неделю назад в поезде. Смотрит, улыбается, глаза тоже веселые, с искорками. Красивая она – тонкий нос, губы пухлые, но явно свои, не накаченные, черные волосы собраны сзади в пышный хвостик.

– Я вас помню, – добавила Ольга. – Мы встретились в день вашего интервью.

– Да, – я растерялся. – Не ожидал, что мы будем работать вместе, очень рад.

– Я тоже, – улыбнулась Ольга. – Приятно увидеть новое лицо. Устроились нормально?

– Да... – я лихорадочно думал, о чем ее спросить. – Студия уютная, тихая. Давно вы тут работаете?

– Почти четыре года. Ладно, не буду вас отвлекать. Удачи!

Ушла. Я смотрел ей вслед: миниюбка, черная водолазка. Сегодня яркий платок завязан вокруг шеи.

– Привет, я Пенроуз, можно просто Пен. Мой кубик соседний.

Новый гость. Парень лет тридцати, с грубым, но добродушным лицом, протягивал руку.

– Будут проблемы – обращайся, – сказал он. – Мы тут все друг другу помогаем.

– Спасибо, – я старался улыбаться как можно шире. Взял блокнот, записал: «Пен, сосед, мордастый».

Начался непрерывный поток посетителей. Я едва успевал записывать в блокнот их приметы: рыжий, красные уши, часто моргает, темные очки с диоптриями, лысый... А как иначе всех запомнить?

Ну вот, все вроде со мной познакомились. Я включил компьютер, посмотрел на экран – все знакомо, понятно. Через секунду появилось сообщение, что корпорация запрещает копирование любых данных на внешние носители и использование сторонних приложений. Это ожидаемо. Я кивнул экрану в знак согласия и пошел к Идену.

Кубик Идена был в три раза больше моего.

– Садитесь! – Иден показал на кресло напротив его стола. – Как устроились?

– Кубик хороший, компьютерные экраны прекрасные. Больше ничего для работы не нужно.

– Я про студию, понравилась?

– Очень. И такая забота, даже продукты были в холодильнике.

– Мы угадали с продуктами?

– Вы угадали даже с сортом пива.

Иден улыбнулся. Мне даже показалось, что он закатил глаза от удовольствия.

– Скажите спасибо Ольге, продукты выбирала она. А пиво... Это был маленький подарок в день вашего приезда. А так, алкоголь в корпорации не приветствуется, мы заботимся о здоровье сотрудников. Кстати, как насчет спорта, вы какими видами интересуетесь? Волейбол, теннис, велосипед?

– Велосипед я привез.

– Да? Какая модель?

Я замялся. Помнил, что цвет черный.

– Тормоза дисковые? – уточнил Иден.

– Нет... – в этом я был уверен.

– Алюминий, карбон? Руль спортивный? Или у вас горный?

Вот привязался! Я сказал, что у меня самый дешевый, который в тот день продавался в ближайшем спортивном магазине. Иден покачал головой и начал рассказывать о прогрессе, который не стоит на месте, что мне нужно пересаживаться на электрический велосипед, что на трассы с горками нужен двигатель в триста ватт, что скоростей у велосипеда должно быть не менее семи, а зарядки должно хватать на пятьдесят миль, что...

Я едва успевал кивать. Что он несет, какой велосипед? Спросить о работе или дождаться, когда он перейдет к делу?

– А как насчет тенниса? – поинтересовался Иден.

– В пинг-понг немного играю, – я изо всех сил старался быть вежливым.

– Это несерьезно, – Иден все больше распалялся. – Большой теннис – вот, что вам нужно. Сегодня же запишитесь в секцию и возьмите персонального тренера. В телефоне найдите приложение «спорт» – там вся информация. Обратите внимание на ракетки...

Тут он начал рассказывать, какие бывают теннисные ракетки. Я опять кивал, но понимал, что ничего этого не запомню. Иден заметил, что теннис меня не интересует, и перешел на волейбол. Тут я совсем завял, но взбодрился, когда он спросил, на сколько я прыгаю в высоту с места? Я пожал плечами, но, увидев у стены кубика длинную линейку, подумал, что он сейчас займется измерением моих способностей, и сказал, что дюймов двадцать, на что он покачал головой и попросил согнуть руку в локте.

– Бицепсы у вас еще ничего, но трицепсы никуда не годятся, – сказал он, пощупав мускулы и продолжая качать головой. – У нас обеденный перерыв два часа, и вам надо в это время посещать тренажерный зал. Я позвоню Липату – он отличный тренер – расскажу о вашей проблеме, он вами займется профессионально. Нельзя, слышите, категорически нельзя так запускать свое тело!

Тут он встал, протянул руку, пожелал успехов и пригласил заходить, если будут вопросы. Очень мне хотелось спросить о проекте, которым я буду заниматься, но, вспомнив слова

Цвейга об опасности вопросов в корпорации, решил промолчать, улыбнуться и вернуться в свой кубик.

Я не успел вывести компьютер из спящего режима, как подошла Ольга.

– С Иденом поговорил? – спросила она.

– Поговорил... – я не стал рассказывать о нашей беседе. Ведь Цвейг сказал, что нужно отвечать кратко, по делу. Ольга не спросила, о чем мы говорили, так что и мне лучше об этом помалкивать.

– Твои трицепсы поругал?

– Ага, – я с облегчением улыбнулся, почувствовав, что мы с ней найдем общий язык.

– Это у него такой конек. Считает, что без хороших трицепсов нельзя носить футболки с коротким рукавом. Отправил к Липату? Спортзал в соседнем крыле, я потом тебе покажу. Про здоровое питание говорил?

– Нет, только про запрет алкоголя. Но за пиво тебе спасибо!

– Не вопрос, – заулыбалась Ольга. – Я сама бутылочку из твоего заказа прихватила. Тебе хватило?

– Вполне.

– У нас с тобой сегодня по плану буфет, спортзал и пункт проката спортивного инвентаря.

– По плану?

– Тут все по плану. Пошли в буфет, не будем терять время.

– На каждом этаже два буфета, – продолжила Ольга, когда мы вышли в коридор. – Они абсолютно идентичны. Я хожу в «Метелку».

– Почему «Метелка»?

– Почему бы и нет? Второй называется «Совок».

«Метелка» могла одновременно накормить сотню человек. Огромный зал со столиками, вдоль двух стен прилавки с едой, кофе-машины, титаны с кипятком, холодильники, забитые разноцветными банками... Я заметил, что над прилавками с едой висели таблички: «Американская», «Европейская», «Средиземноморская», «Японская», «Русская», «Мексиканская»...

– Все бесплатно до шести вечера, – Ольга вывела меня из замешательства. – С шести за деньги, но цены символические. По вечерам и в выходные работает доставка. Ты можешь заказать обед или ужин домой. Я так и делаю.

– Рай какой-то, – ничего другого я придумать не смог. – Но должен быть подвох.

– Ищи. Найдешь – скажи мне. Я постараюсь этот подвох исправить.

– Ты контролируешь питание в корпорации? – удивился я.

– Я много чего контролирую, в том числе и здоровье сотрудников. Тебе уже сказали, что пора менять очки?

– Очки – тоже твоя работа?

– Мы проверяем здоровье кандидатов при приеме на работу.

– Но это незаконно! – сказал я.

– Покажи мне такой закон, и я буду искать другую работу, – усмехнулась Ольга.

– Странно тут у вас. Мне, например, не сказали, чем занимается корпорация, откуда у нее такие деньги.

– Тебе сказали, чем тебе заниматься?

– Искать Липата в спортзале

– Вот и ищи. Освойся пока тут, возвращайся, и мы пойдем в спортзал.

Повернулась, ушла. Я взял с прилавка пирожок с мясом, сделал чашку двойного эспрессо и сел за столик у окна, обдумать происходящее. Эспрессо, кстати, был дрянной. Некрепкий, с каким-то привкусом.

У кубика меня ждал Пен.

– Слушай, – начал он протяжно и задумчиво. – Мне тут Иден сказал, чтобы я тебя консультировал по техническим вопросам. У тебя есть технические вопросы?

Я пожал плечами.

– А как у тебя с SQL, писал коды?

– Конечно, это то, чему меня учили в университете.

– Отлично! – Пен искренне обрадовался. – Если что – проконсультируешь меня?

– Конечно!

Я, кажется, стал догадываться, зачем меня взяли в корпорацию. Впрочем... Последний раз я писал такие коды два года назад. Тут что-то не то.

– Тут Ольга тебя спрашивала, а вот и она – сказал Пен.

Ольга подошла с серьезным видом.

– Пен, извини, – сказала она. – Мне надо забрать Марио.

– Мы уже обо всем договорились, – Пен исчез в своем кубике.

– Пойдем к Липату, – сказала Ольга и взяла меня под руку. – Быстрее, у меня еще много дел.

Тут из своего кубика поднялся Пен, согнул руку и похлопал по мускулам.

– Пен у нас боксер, – объяснила Ольга, – у него с трицепсами все в порядке.

Спортивный зал был залит солнцем. У стенок стеллажи с гантелями, у окон выстроились в ряд беговые дорожки, центр зала был заполнен диковинными механизмами. И тишина. Никто не бегал по дорожкам, никто не поднимал гантели, неподвижны были диковинные механизмы. В углу зала за столом сидел упитанный мужчина в спортивном костюме и сосредоточенно смотрел в экран компьютера.

– Вон твой Липат, – сказала Ольга. – Иди, знакомься, а я пойду.

– Не хочешь позаниматься, трицепсы укрепить? – спросил я.

– Я не ношу футболки с короткими рукавами, – фыркнула Ольга и ушла.

Липат поднял голову и пригласил сесть на стул около стола.

– Чем могу служить? – его голос был хрипловат, как у любого, кто несколько часов не произносил ни слова.

– Трицепсы надо укрепить, – сказал я.

– Можно ваш телефон, – попросил Липат. – Впрочем, – он посмотрел на экран, – вы из отдела Идена? Он мне написал.

– Да, мне вас рекомендовали.

– Трицепсы это то, что разгибает руку, – сказал Липат. – Разгибайте руки почаще.

– А это... – я показал на механизмы.

Вместо ответа Липат пригласил меня посмотреть на экран компьютера. Там я увидел график. По горизонтальной оси – даты, по вертикальной оси – какие-то проценты.

– Это относительная влажность, – пояснил Липат. – Отношение доли водяного пара в воздухе к максимально возможной при данной температуре. Сегодня влажность равна тридцати процентам. И какой вы сделаете вывод?

– Дышать легко, – неуверенно сказал я, не понимая, к чему все это.

– Неправильный вывод, – сказал Липат. – При такой пониженной влажности у вас пересыхает слизистая оболочка в носу, что приводит к увеличению шанса подхватить вирусную инфекцию. Еще при этом начинается быстрое обезвоживание организма, что может привести к необратимым последствиям. Для астматиков низкая влажность особенно опасна. Вы не астматик?

Я заверил его, что не астматик и что никто из моих предков астмой не болел.

– Тем не менее, – продолжил рассуждения Липат, – при такой влажности занятия спортом в корпорации категорически запрещаются. Мы заботимся о здоровье сотрудников. Я рекомендую вам сейчас выпить два стакана горячего чая и периодически протирать лицо и руки влажными салфетками. Дома примите душ и развесьте в комнате мокрые полотенца. Не делайте резких движений, не напрягайтесь. На рабочем месте думайте о чем-нибудь хорошем.

– А когда можно будет... Я про трицепсы.

Липат постучал по клавиатуре, и на экране появилась карта с зелеными и красными кругами.

– Мы сейчас в зоне сильнейшего антициклона, – сказал он. – Думаю, что через пару дней мы окажемся на его восточной периферии и через неделю все изменится – к нам придет циклон с дождями и грозами. Боюсь, что тогда влажность станет более шестидесяти процентов, что также чрезвычайно опасно. При такой влажности возможно обострение сердечно-сосудистых заболеваний. У вас есть сердечно-сосудистые заболевания?

Я опять заверил его, что ничего подобного у меня нет.

– Тогда высокая влажность для вас особенно опасна. Ваш организм совершенно не подготовлен к таким болезням, он не знает, как справляться с приступами, спазмами, остановкой дыхания и сердцебиения. Но корпорация предусмотрела такие случаи. У вас в телефоне есть красная кнопка. Если начнется приступ – нажимайте ее и через пять минут прибудет бригада неотложной помощи. А пока ежедневно следите за влажностью. Рекомендую приобрести гигрометр и строить графики. Изучайте тренды, ищите закономерности. И обязательно читайте специальную литературу о влиянии влажности на здоровье человека и домашних животных. У вас есть домашние животные? Если нет – заведите и следите за их поведением. Помимо прихода опасной влажности они будут предсказывать землетрясения, сильную грозу, торнадо и другие катаклизмы. В нашей онлайн библиотеке вы найдете всю необходимую информацию. Желаю вам здоровья и успехов.

Липат протянул руку, показывая, что разговор окончен. Руку я пожал, отметив, что она очень сухая. Я понял, что влияние низкой влажности уже началось, и пошел в свой кубик, стараясь ступать медленно, не напрягаясь.

В коридоре я встретил Ольгу.

– Что-то у тебя вид усталый. Прослушал лекцию или перетренировал трицепсы?

– Все отлично, – я вдруг почувствовал, что Ольга – родственная душа. – Бодрость хлещет через край.

– В таком случае, я приглашаю тебя сегодня вечером в гости. Адрес пришлю по почте. Придешь?

– Конечно, у меня накопилось множество вопросов.

– Боюсь, что у меня не найдется столько ответов. Но ты все равно приходи.

До конца рабочего дня я читал инструкции и правила работы в корпорации. Правил было много, на экране мелькали бесконечные абзацы текста с картинками. Подумал, что законы нашей Вселенной можно написать на двух листочках, а тут страницы за страницами. Вспомнил о теории, что внутри нашей Земли находится шар еще большего диаметра. Из всех правил я запомнил несколько:

В корпорации нет людей разной расы, национальности, пола и возраста. Есть только сотрудники.

Держать язык за зубами. Свои проекты обсуждать только с начальником и с теми, кого он укажет.

Оказывать помощь только тем, кто об этом попросит.

Не отлынивать от корпоративной жизни: пикники, спортивные соревнования, общие обеды и вечера отдыха.

Учиться, учиться и еще раз учиться.

И еще важное: по пятницам на работу можно приходить в джинсах и кроссовках.

В гостях у Ольги

Запах жареной картошки я почувствовал еще на лестнице. Позвонил, Ольга открыла дверь, заулыбалась. Наряд – как на работе – дополнил яркий фартук.

– Заходи, я скоро закончу.

Мы вошли в большую комнату, слева высокой стойкой был отгорожен кухонный уголок, у окна стоял обеденный стол, рядом расположился огромный угловой диван. Из комнаты дверь вела в спальню, направо тянулся коридор, там я увидел дверь еще в одну комнату.

– Вино на столе, налей себе бокал, – скомандовала Ольга. – Ты уж извини, была целая бутылка, но я не удержалась. Есть еще две, но это мне до субботы, так что давай вино экономить.

– Да я собственно... – начал я.

– Да и я собственно, – засмеялась Ольга. – Ты как относишься к жареной картошке?

– Уважаю! – тут я душой не покривил.

На плите я заметил вторую сковородку, где булькал красный соус, в котором плавали кружочки молодого баклажана.

– Есть еще салат из редиски с зеленым луком и салат из помидоров. Я его заправила лимонным соком, оливковым маслом и раздавленным чесноком. Тебя не смущает запах чеснока и лука?

– Да я вроде целоваться не собирался, – я почувствовал себя как дома, как будто встретил старого друга.

– Если оба пахнут одинаково, то это не препятствие. Слушай... я только сейчас подумала. Если хочешь мяса, то я позвоню и его привезут через двадцать минут. Сама я ем мясо только по субботам, когда покупаю бутылку красного вина. А так люблю белое.

– Нормально без мяса, меню у тебя прекрасное, – мне тут нравилось все больше и больше.

– Тогда тащи тарелки со стола, я положу картошку и баклажаны.

Мы сели за стол, я налил бокалы.

– Мне полный, – сказала Ольга.

Я наполнил до краев. Ольга взяла бокал, посмотрела на меня сквозь стекло и выпила.

– Прости, пить хотелось. Налей еще.

– За что будем пить?

Ольга задумалась.

– За здоровье – неоригинально. За любовь – не тот случай. Давай за твоё хобби. У тебя есть хобби?

– Это обязательно? – спросил я.

– Упс! Главного я тебе не сказала. У тебя обязательно должно быть хобби. Иначе ты тут не выживешь. Коллекционируешь что-нибудь?

Я покрутил головой.

– Рисуешь, пишешь стихи, сочиняешь музыку?

– Бог не дал талантов.

– Культуру потребляешь?

– В смысле?

– Ну... книги, выставки, концерты, серьезное кино?

– На велике катаюсь, – я мучительно стал вспоминать свои интересы, – книги по работе читаю, программки для компьютерных игр пишу.

– А графику сам делаешь?

– Игры у меня простые, без особой графики.

Ольга задумалась, начала пить вино, не дожидаясь тоста.

– А почему это так важно? – спросил я.

– У нас тут свободное время должно быть занято. Позже сам поймешь. А пока придумай хобби. Игры – это неплохо. Если спросят, так и говори: пишу софт для компьютерных игр.

– Кто спросит? – удивился я.

– Для начала – библиотекарь. Будут следить, какие книги ты читаешь. Скачай пару книг о твоих играх – это поможет.

– Ничего не понимаю, но сделаю. Кстати, какой библиотекарь? Ведь все онлайн.

– Думаешь книги в онлайн библиотеке сами собой появляются?

Ольга допила вино и приступила к картошке. Щеки ее покраснелись, она ела быстро, молча.

– А у тебя есть хобби? – спросил я, когда она опустошила тарелку.

– Пойдем, – Ольга поднялась и пригласила меня в другую комнату.

Это была мастерская художника с творческим, как я понимаю, бардаком. На огромном столе лежали бесчисленные тюбики с красками, кисти, карандаши, стопки бумаги. У окна стояли два мольберта с начатыми картинами. К стенам были прислонены исписанные холсты – цветные треугольники и квадраты изображали что-то, похожее на пейзаж. Чистые холсты на рамах стопкой лежали в углу.

– Кубизм, супрематизм? – эти слова я запомнил из книжки по истории искусства.

– Понятия не имею. Таланта нет, но мне нравится, – сказала она. – Это успокаивает.

У стола я заметил пустые бутылки от вина. Ольга перехватила мой взгляд.

– Да, и это тоже успокаивает.

Я кивнул, не зная, как реагировать. Не судить же мне малознакомую женщину.

Мы вернулись в гостиную, Ольга подошла к открытому окну и закурила. Под ее окном был теннисный корт, на котором толстяк с желтой сумкой на поясе лупил мячами по стенке. По стенке он попадал, но к отскочившему мячу не успевал. Тогда он доставал из сумки другой мяч и лупил снова. За кортом расстилалась прерия. Солнце садилось, трава казалась черной – грустная картина.

– Ненавижу этот пейзаж, – сказала Ольга. – Знаешь, чего я сейчас хочу?

– Чего? – спросил я.

– Сидеть на веранде в плетеном кресле. Горит лампа с тряпичным абажуром, на столе в вазе свежие яблоки, рядом бутылка коньяка. И чтобы за окнами шел дождь, и чтобы пахло яблоками и сыростью.

– Тогда почему ты здесь?

– У меня нет дома с верандой. Я всегда боялась покупать дом – ведь за ним надо ухаживать. Руки растут не из того места, а приглашать мастеров... Всегда они сделают не так, как мне хочется.

Ольга повернулась спиной к окну. Ее лицо оказалось в тени и показалось мне прекрасным. Я подошел ближе, взял ее за руку. Она на секунду прильнула, потом резко отстранилась. Ничего не сказала, повернулась обратно к окну.

– Если ты яблоки собирала под дождем, то на них должны быть капельки влаги, – сказал я. – И ты забыла пузатый бокал для коньяка. И еще книгу с потрепанным переплетом. Любимую, неоднократно прочитанную.

Ольга опять повернулась, с интересом посмотрела мне в глаза.

– Продолжай, – попросила она.

– На плечах у тебя плед. Старый, достался от мамы. На ногах теплые тапочки. Их ты надеваешь только, когда одна. Они некрасивые, но удобные. Только в них ты можешь расслабиться, почувствовать, что все заботы остались далеко за стенами.

Ольга приоткрыла рот, хотела что-то сказать, передумала, подошла к столу и налила себе вина. Потрясла над рюмкой бутылку, дождалась последних капель, поставила пустую бутылку на пол.

– Ты пинешь что-нибудь? – спросила она, выпив вино.

– В школе писал рассказы.

– Опиши, что видишь на столе. Так, как ты сейчас мне рассказывал.

На столе стояли тарелки с остатками еды, миска с салатом, пустые рюмки и ваза с фруктами.

– На столе напоминание, что все проходит. Еще немного, и этот чудесный вечер закончится.

Ольга села, забарабанила пальцами по столу.

– Я так и думала, – сказала она. – Рада, что не ошиблась. И что компьютер не ошибся.

– Что ты думала?

– Ты тот, кто нам нужен.

Я заинтересовался, но как-то вяло. Ольга была пьяна, а зачем придавать значение словам пьяной женщины? Но все же спросил:

– Кому нам и для чего я вам нужен.

Ольга оставила стол в покое и медленно, как будто через силу, сказала:

– Начни вести дневник. Скоро начнутся интересные события, ты будешь летописцем. Я бы сама писала, но Бог не дал таланта. Говорить могу, а сяду за компьютер – получается «он встал, пошел, а потом выпил».

– Какие события? – спросил я. То, что в корпорации происходит что-то необычное, – это стало очевидным.

– Можно я промолчу, – Ольга говорила тихо, я едва разбирал ее слова. – Я выпила и могу наговорить лишнего. Ты не бойся, никакой тайной организации нет. Просто помоги мне кое в чем разобраться. Ты будешь вести дневник?

Я кивнул. Наступил момент, когда с женщиной лучше соглашаться.

– Только не пиши на компьютере. Возьми на работе блокнот, ручку и пиши красивым почерком, чтобы я могла прочитать. А то все разучились писать, могут только подписывать. Ты уж постарайся.

Я кивнул еще раз. Дневник – это очень личное, не для посторонних, но и сейчас я решил не возражать.

– Мысли и впечатления – вот, что главное, – продолжила она. – События описывай как бы мимоходом, не вдаваясь в подробности. Ты все равно многого не поймешь, будешь сторонним наблюдателем, который ничего не понимает, удивляется, пытается безуспешно во всем разобраться.

– Безуспешно?

– Ага! Про аристотелевскую логику и здравый смысл придется забыть. Но это временно. Потом, конечно, тебе откроются все тайны, и ты обхохочешься.

– Тебе-то зачем это надо?

Ольга задумалась. Мне даже показалось, что она немного протрезвела.

– Сама не знаю. Но чувствую, что надо.

– Ладно, уговорила.

Я почему-то почувствовал облегчение. Явно закончилась серьезная часть разговора и можно было заваривать чай, убирать со стола и болтать всякие глупости. Я обожал болтать о глупостях с женщинами. Да еще с красивыми. А Ольга была сейчас особенно хороша. Она улыбалась, глаза ее блестели, казалось, что мы немного влюблены друг в друга.

Хороший получился вечер. Он стал еще лучше, когда Ольга вдруг махнула рукой, пробормотала «Черт с ним, с расписанием!» и достала из холодильника вторую бутылку.

Я шел домой очень довольным. Жизнь в этом непонятном городе начала мне нравиться. И мысли были простые: «На работе нет людей разного пола, только сотрудники. А если встретишь сотрудника после работы, а он окажется красивой женщиной?»

Первый проект

Утром на рабочем экране мигала кнопка – пришло корпоративное письмо. Письмо от Идена было длинным, с описанием моего первого проекта. К письму прилагалась огромная таблица. В первой колонке были коды сотрудников корпорации. В других колонках были слова, которые я видел в вестибюле: Креативность, Качество, Самоорганизация, Индивидуальный рост и далее по списку. Таких колонок было много – на каждую неделю своя, где стояли числа от нуля до ста. В письме я нашел пояснение: работа сотрудника периодически оценивается по данным показателям. Нуль означает, что нет данных. Число сто – сотрудник работал над собой и показал выдающийся результат. Мне предстояло написать программу, которая анализировала тренды. Если, например, креативность или индивидуальный рост сотрудника падали от недели к неделе и опустились ниже определенного уровня, то мне надо было построить график и отослать его Идену. А он будет решать, что делать дальше.

– Тебе все понятно?

Это Пен заглянул ко мне в кубик.

– Технически – да. Все элементарно, за пару дней сделаю.

Пен нахмурился.

– Забудь такие слова. У нас нет ничего элементарного. Какой срок у этого проекта?

Я посмотрел на экран.

– Месяц.

– Вот видишь. А ты говоришь два дня. От твоего решения зависит чья-то судьба, отнесись к этому ответственно.

Пену явно не нравился мой залихватский тон. Его взгляд расфокусировался, он как будто начал смотреть сквозь меня.

– Как можно в числах определить, например, чью-то креативность? – спросил я.

Пен помолчал, потом нехотя сказал:

– Тебе это важно для выполнения задачи?

Я пожал плечами.

– Тогда зачем спрашивал?

Я извинился и сказал, что благодарен ему за советы. Пен улыбнулся, хлопнул меня по плечу и исчез. Я вздохнул и начал стучать по клавишам. К обеду в последних колонках таблицы появились графики всех качеств сотрудников. Мне захотелось показать их Пену или Идену, но я вовремя опомнился и стал заниматься украшением таблицы, раскрашивая ячейки. Если кто-то показывал непрерывный рост своей креативности, самоорганизации и прочего, то его код сиял на зеленом фоне. А если какой-то бедолага совершенно не следил за своей гибкостью и у него были, например, проблемы с дорожной картой, то его код находился в красной ячейке. Середнячки со стабильными показателями оказывались в ячейках грязно-желтого цвета. Теперь оставалось сгруппировать строчки с красными ячейками собрать их в отдельную таблицу и отослать Идену. Хотя – нет! Надо отдельно составить таблицу с неудачниками и начинать думать, чем бы заняться в оставшиеся двадцать девять дней до окончания срока сдачи проекта.

Перед обеденным перерывом ко мне подошла Ольга. Свежая, улыбающаяся, но деловая:

– Пойдем обедать вместе. Мне надо тебе еще что-то объяснить.

Она посмотрела на экран компьютера, кивнула, приглашая к выходу. В коридоре она спросила:

– А что это за радуга на экране?

Я замялся.

– Я вчера изучал корпоративные правила. Могу ли я обсуждать с тобой мой проект?

– Я твой персональный куратор, ты обязан это делать.

Выслушав мой рассказ, Ольга нахмурилась.

– Тебя просили раскрашивать клеточки?

– А чем мне еще заниматься? Мне надо убить еще двадцать девять дней.

Я взял ее за руку, слегка пожал. Ольга выдернула ладонь, резко от меня отстранилась.

– Ты, похоже, плохо прочитал корпоративные правила. Ладно, проехали, как ты собираешься представлять результат проекта?

– Через пару дней пошлю Идену таблицу с красными ячейками.

– И на что ты надеешься? Думаешь, тебя похвалят за гениальность? Если так будет дальше, то через месяц тебя уволят. Ты знаешь, что главное в работе начальника? Думаешь, что он заинтересован в таком темпе? Ты в корпорации, а не в частной лавочке. Главное для Идена, чтобы все его сотрудники были при деле. А тут ты, такой резвый. Принес ему головную боль – чем тебя теперь загружать? Вот представь, что тебе в понедельник дали задание к пятнице построить график. Работы тебе минут на двадцать. Что ты будешь делать?

Ее голос изменился. От вчерашней, дурашливой Ольги не осталось и следа.

– Построю график и буду ждать пятницы, – неуверенно сказал я. – Правильно?

– А чем ты будешь заниматься со вторника по четверг?

– Ну... самообразованием, например. Или хобби каким-нибудь. Сама же сказала, что это важно.

– Но не в рабочее же время.

– А какой правильный ответ?

Мы вошли в зал «Метелки», взяли со стойки тарелки с салатами и горячим и сели за столик.

– В корпорации нет понятия «построить график», – сказала Ольга. – Тут есть понятие Проект. Любое задание – это Проект, с большой буквы! Конечная цель данного Проекта – не график, а Продукт. Тоже с большой буквы. Ты можешь заболеть, уволиться, запить, в конце концов. А созданный Продукт должен работать без тебя. Иначе, начальнику придется каждый раз обращаться к какому-нибудь программисту, чтобы построить новый график.

– То есть я должен написать программу, чтобы любой мог ею пользоваться? – спросил я.

– Не написать программу, а сделать Продукт. Готовый, например, для продажи. И начать ты должен не с клацанья по клавишам, а с осмысления Проекта. На это отводится первый день. На следующий день к тебе подойдет проект-менеджер – его выберет начальник. С ним вы будете составлять план работы.

– Это легко, – сказал я. – День первый – ознакомление с проектом. Дальше – написание программы. Пятница – сдача проекта.

– Ты видел на стенке вестибюля важные слова? Одно из них «Дорожная карта». Если ты напишешь такой план, то получишь в твоём досье единицу по этому пункту. Еще пара единиц и ты можешь собирать вещи и возвращаться в свою страховую компанию.

– Подскажи, как правильно, – попросил я.

– Перво-наперво ты должен собрать команду для работы над Проектом. Для начала тебе понадобится дизайнер. Сам же говорил, что с графикой у тебя не очень. Дизайнера тебе подыщет проект-менеджер – с ним ты должен еще обсудить, сколько айтишников будет у тебя в команде.

– Зачем они мне? – удивился я. – Я сам айтишник.

– Ты что, с луны свалился? Программа должна быть защищена от дураков и хакеров. У наших айтишников есть готовые блоки, которые определяют, не попал ли к тебе какой-нибудь вирус, передающий корпоративные секреты конкурентам. Затем тебе понадобится тестировщик. У нас есть штат особо тупых, которые попытаются доказать, что твоя программа слиш-

ком сложная даже для начальников. То есть, как минимум три дополнительных сотрудника тебе придется привлечь. Впрочем, это еще не все. Твою программу надо будет еще тестировать на разных платформах с разными операционными системами. Это делают тестировщики высокого уровня. И это еще не все. Нужна инструкция для пользователя. Тебе это не доверят, для этого будут привлекать профессионального райтера. Он, конечно, запишет только то, что ты ему продиктуешь, но запишет профессионально. Текст инструкции проверят корректор и редактор. Но и это еще не все. Продукт должен посмотреть и одобрить инженер по технике безопасности.

– Кто?

– Инженер по технике безопасности. Он должен убедиться, что твоя программа не наносит ущерб здоровью пользователя.

– Какой ущерб? – глаза у меня округлились от удивления.

– Самый неожиданный. Вдруг график получится слишком ярким после темного фона стартового экрана. Это может привести к временной слепоте, потере ориентации и падению со стула.

– Ты смеешься?

– Ни в коей мере! Не ищи смысла там, где его нет. Так положено, без его подписи к начальнику даже не суйся. Вот теперь, кажется, все. Эти процедуры надо внести в план и назначить совещание команды на среду. Лучше на утро – ведь надо быстрее приступить к делу. Так ты заработаешь очки в пункте «коллаборативность». Если совещание пройдет успешно, ты прибавишь очки в пункте «консенсус». На совещании ты расскажешь, что никогда раньше не писал такие программы, но вчера много работал и готов закончить проект в срок. Это добавит очки к пункту «открытость». Если тебе что-то посоветуют, сделай вид, что думаешь, а потом скажи, что совет ценный и ты учтешь его в процессе работы над проектом. Это очки к пункту «гибкость».

– А как насчет «выбора цели»?

– Не притворяйся тупым. На совещании ты должен четко сказать, что в пятницу в десять утра продукт должен быть готов, протестирован и одобрен руководством. Это дополнительные очки к пункту «уверенность».

– А как мне улучшить «креативность»?

– Вот это самое главное! В план впиши пункт, что в четверг утром ты подойдешь к начальнику, скажешь, что Проект на финальной стадии и попросишь уделить тебе десять минут для обсуждения. Скажи, что командой разработаны два варианта Продукта. Например, график может быть красного или зеленого цвета. Какое его мнение? Предлагай только два варианта, больше начальник не осилит. Начальник выберет красный – это я знаю. Поблагодари его за совет и дальше, очень осторожно, намекни, что у тебя появились идеи на будущее. Например, ввести опцию, чтобы пользователь мог сам выбирать цвет графика. По умолчанию цвет будет красным, но если пользователь не любит такой цвет, то он может нажать кнопку и цвет станет зеленым. Это, конечно, потребует времени, и, если начальник не против, ты готов развивать проект в будущем. Это и будет твоя креативность. И еще ты помог начальнику загрузить тебя работой на следующий месяц. Одним выстрелом ты застрелишь двух зайцев.

Ольга замолчала и отвернулась к окну.

– Мне это не нравится, – сказал я. – Получается, что в твоём гипотетическом проекте я буду работать программистом всего двадцать минут в неделю.

Мне и правда это не понравилось. Это что, все корпорации так работают, или только эта, странная, в странном городе?

– Это негласные правила корпоративной культуры, – ответила Ольга, не переставая смотреть в окно. Она говорила равнодушно, как будто читала лекцию. – Да, тебе придется кормить несколько бездельников. Но зато в корпорации будет стабильность и уверенность в качестве

Продукта. Самое страшное для нас – это плохое качество. Стоит один раз ошибиться и репутация подорвана. Это ты понимаешь?

Я кивнул. Репутация – это понятно.

– Корпорация – не частная лавочка, где суетятся и в погоне за быстрой прибылью все делают на скорую руку, – голос Ольги окреп, теперь она смотрела прямо мне в глаза. – Корпорация – это огромный корабль. Пусть медленный, но красивый и надежный.

Я почему-то вспомнил картину «Титаник», висевшую у меня над столом.

– А кто будет мне ставить очки по всем этим пунктам? – спросил я.

– Твой начальник и члены твоей команды. Ты сам на эту неделю становишься маленьким начальником. Сколько я твоих временных сотрудников насчитала... семь, восемь? Так вот – после сдачи Продукта ты поставишь очки всем этим сотрудникам. От единицы до ста, как ты уже знаешь. Центральный компьютер соберет все эти данные, усреднит по сложному алгоритму, округлит и выдаст таблицу. Ту самую, которая сегодня попала к тебе.

– Я не понял, если эта система у вас работает, то почему меня попросили сделать такой анализ? Как вы оценивали качество сотрудников до меня?

– В старой системе, наверное, не было графиков. Оценка была не такой наглядной. Впрочем, я не знаю. В головы начальников заглядывать не рекомендую. Знаешь, что еще важное в руководстве? Это чтобы приказы были не совсем понятны. Если все будет просто и логично, то у сотрудников сложится впечатление, что начальником может быть каждый. А это неправильно. Начальников должен окружать таинственный флер, туман загадочности. Они определяют стратегию, векторы развития. А как Проекты и Продукты укладываются на эти векторы – это нам смертным знать не обязательно. Ты все понял, вопросы есть?

– Я уже боюсь спрашивать – могу показаться совсем тупым.

– Ну и прекрасно! А теперь хорошие новости. В гараже видел машины? Ты можешь пользоваться любой. В телефоне есть приложение, подходишь к машине, заводишь в приложение ее номер, дверь откроется, машина твоя. Все бесплатно, но вернуть ее ты должен чистой и заправленной. Минимум полбака.

– А если я ее поцарапаю?

– Машина застрахована корпорацией. Три раза ее будут ремонтировать для тебя бесплатно. Потом будут удерживать пятьдесят процентов стоимости ремонта. Но после третьей царапины ты можешь купить страховку. Это недорого, зато не будет болеть голова от всякой ерунды.

– Тут прямо коммунизм какой-то! – новость о машинах перевесила раздражение от дурацких корпоративных правил.

– Не коммунизм, а Корпорация. С большой буквы.

– А куда тут ездить? Ты, например, ездила за вином на поезде.

– А вот это тема уже следующей беседы. И не в рабочее время. Сейчас я твой куратор, тебе следует запомнить все, что я наговорила. Все, иди работай, Запиши все, что я сказала, думай о плане, утром к тебе придет проект-менеджер. И, кстати, зайди сегодня в нашу корпоративную клинику. Зарегистрируйся, пройди медосмотр, сдай анализы. Без этого медстраховка работать не будет.

В клинике

Я подошел к двухэтажному кирпичному зданию, явно построенному наспех – засохший раствор уродливыми червяками вылезал между кирпичей. Перед входом росли молодые березки, зеленел стриженный газон. Я открыл тяжелую стеклянную дверь, и сразу был встречен улыбающейся красивой блондинкой в коротком зеленом халатике. Она посмотрела на экран своего телефона и сказала:

– Здравствуйте! У меня в расписании вас нет, вы, наверное, новенький, не зарегистрировались онлайн?

Пришлось смущенно кивнуть.

– Ничего страшного, – улыбка блондинки стала еще шире, что уже не украшало ее, а делало похожей на лягушку. – Можно ваш телефон?

Она поднесла свой телефон к моему, пару раз щелкнула ногтем по экрану.

– Все в порядке. Вам надо сдать кровь на анализ и пройти первичный осмотр. Доктор Сильвия сейчас свободна и с удовольствием вас примет.

Блондинка жестом пригласила пройти за ней, подвела к белой двери с надписью «Лаборатория», пожелала удачи, изо всех сил улыбнулась и исчезла.

– Садитесь, закатайте рубашку до локтя.

Медсестра в лаборатории была похожа на блондинку из вестибюля, вот только волосы у нее были черными и улыбка более приятная. Пока я разглядывал ее глаза с длинными ресницами, она, быстро набрав кровь в пробирку, заклеила ранку и сказала, что мне надо идти в двадцать первый кабинет.

– Вы отличный профессионал, я совсем не почувствовал укола, – сделал я комплимент.

Сестра заулыбалась.

– Спасибо, у меня большой опыт. Да и вены у вас простые.

Я хотел рассказать, что даже с простыми венами бывают всякие случаи, но вместо этого неожиданно для себя спросил:

– А как вас зовут?

– Мария, – не оборачиваясь ответила сестра. Она распечатала наклейку с моим именем, наклеила на пробирку и поставила ее в штатив. Других пробирок в штативе не было.

– Не очень много пациентов, – я попытался продолжить разговор.

– В корпорации мало больных сотрудников. Тут все ведут здоровый образ жизни.

– Это я заметил, а вы тоже следите за своим здоровьем? – мне не хотелось так быстро покидать ее кабинет.

– Приходится, – сказала сестра, – у нас доктор Сильвия строгая. До меня тут работала девушка, так ее уволили. Любила выпить, да и мужчин тоже любила.

Марии явно тоже нравился разговор.

– Но тут же не продают алкоголь.

– Есть разные пути, чтобы его достать. Ой, вы меня извините, – спохватилась она, – у вас срочный анализ, а вы идите в двадцать первый кабинет, доктор Сильвия вас осмотрит. Только ничему не удивляйтесь.

– У вас красивое имя, – добавила Мария, когда я подошел к двери.

Доктор Сильвия оказалась не такой строгой, как я ее представлял. Крупная, лет пятидесяти, лицо худое, загорелое. Глаза цепкие, но взгляд веселый. Она пригласила меня сесть, посмотрела на экран компьютера.

– Так... Марио, двадцать семь лет, программист-аналитик, работаете у Идена. Сегодня второй рабочий день. Почему вчера не пришли?

Я пожал плечами. Не рассказывать же ей, что у меня было более приятное занятие, чем визит в клинику.

– Жалобы? Я вижу, что вы редко обращались к врачам. Близорукость небольшая, но прогрессирующая. Спортом не занимаетесь, мускулатура не развита. Две пломбы, одна коронка. Многовато для вашего возраста.

Все это она говорила, не отрываясь от экрана. Я и тут решил ничему не удивляться.

– Разденьтесь до пояса и встаньте к окну, – лицо ее стало серьезным.

– Вы видите людей на просвет? – поинтересовался я, стягивая рубашку.

Сильвия ничего не сказала, подошла, поводила руками около моей головы.

– Головных болей нет, как я понимаю, – сказала она.

– Болей нет, но у меня одно ухо хуже слышит.

– Я вижу. Левое?

– Правое.

– Это с вашей стороны правое, а с моей – левое.

Я замолчал, сраженный ее пронизательностью. Она провела рукой по животу. Вернее, около живота.

– Печень в порядке, пищеварение в норме. Не так ли?

Я кивнул. Сильвия взяла меня за запястье.

– Давление в норме, наполнение хорошее. Выпиваете?

Я пожал плечами.

– Пиво... иногда.

Сильвия посмотрела мне в глаза.

– Вчера вы пили. Не очень много, но пили. Где вы взяли алкоголь?

– Немного привез с собой, – я решил не вдаваться в подробности.

Сильвия качнула головой, но промолчала. Вернулась к столу, посмотрела на экран компьютера.

– У Липата вы были, как я знаю. Начали тренировки?

– Вчера была опасно – низкая влажность. Он не рекомендовал.

– Это было вчера, сегодня влажность в норме. Почему не пошли в спортзал?

– У меня было важное совещание, с куратором.

– С Ольгой? – она опять посмотрела на экран, – Будьте с ней осторожнее. Я знаю, что она привозит алкоголь каждую субботу. Ладно, это не мои проблемы. Мария прислала анализ крови, пока все хорошо. Рекомендую заняться спортом на свежем воздухе. Следующий визит к нам через три месяца. За два дня до того вы получите напоминание по телефону. Желаю здоровья.

Тут Сильвия улыбнулась, взгляд ее снова стал веселым.

– А с алкоголем я вам рекомендую завязать. Совсем. В корпорации этого не любят.

По дороге я заглянул в лабораторию,

– У вас Сильвия видит людей насквозь? – спросил я.

– Она даже мысли может читать, – заулыбалась Мария.

– Весело у вас тут, необычно как-то.

– Это вы только начали знакомиться с корпорацией, – Мария смотрела дружелюбно, она явно была рада, что я вернулся.

– Будут еще сюрпризы?

– Это обязательно!

Я хотел продолжить разговор, но тут у нее что-то пискнуло в компьютере. Мария виновато развела руками, мне оставалось только понимающе кивнуть.

Вечером я заказал из столовой ужин, сел за стол, но меня отвлек телефонный звонок.

- Ты все понял, что я говорила? – спросила Ольга. Голос ее был четким и строгим.
 - Конечно, я сразу записал тезисы твоего выступления.
 - И что ты собираешься делать? – Ольга не приняла мой шуточный тон.
 - Как что? Завтра с проект-менеджером составим список моей команды, набросаем план...
 - Жаль, – вдруг оборвала меня Ольга. – Очень жаль...
- В трубке запиликал сигнал отбоя.

Проект-менеджер

Проект-менеджера звали Хуан. Был он небольшого роста, вертлявый, с бегающими глазами. Он пришел сразу, когда утром я сел в кресло. В одной руке он держал кружку с кофе, в другой – ноутбук.

– Привет, давай у тебя посидим, – голос у Хуана был тонким, речь быстрая и невнятная. – Я проверил все комнаты для совещаний – ни одной свободной. Кофе хочешь? Могу принести.

Я отказался, кофе я выпил дома, мне хватило.

– А я постоянно пью кофе, не могу без него. Засыпаю, если не выпью. Сильвия меня ругает, графики какие-то показывает, а я ей говорю, что без кофе я почти мертвый. Она мне опять про графики, я киваю, а все равно пью. А ты молодец, держишься. Тут такой темп, надо крутиться, без кофе никак нельзя. Так, что у тебя, как проект называется? Я тут с краешка примощусь.

Хуан прикатил кресло из пустого кубика, поставил ноутбук на край стола, рядом пристроил кофейную кружку и занес пальцы над клавиатурой.

– Слушай, давай в темпе. У меня через час совещание по другому проекту. Кручусь как белка, только на кофе и держусь. Так что у тебя за проект? Мне Иден прислал файл, но у меня не было времени его открыть. Давай так, без деталей, быстренько все оформим. Как проект называется?

Я пожал плечами. Слишком часто я тут пожимаю плечами.

– Не думал об этом. Может назовем «Графическое представление анализа показателей сотрудников»?

– Ты с ума сошел! У меня в строчке для этого места не хватит. Тут программа стандартная, ее айтишники разработали. Сейчас посчитаю. Раз, два, три... Всего двадцать букв можно. Давай короче. Например, «Волна».

– Какая еще волна?

– Ну... графики у тебя, кривые, наверное, как волны. Годится?

– А так можно? Хорошо, пусть будет «волна», – согласился я.

– Теперь сроки и дорожная карта, – Хуан стал говорить еще быстрее, я едва успевал следить за его действиями. – План у тебя готов? Пришли файл.

– План не готов. Я его обдумываю.

– Ну и ладно. Я сам потом напишу. Так что там у тебя, графики будешь строить? Сколько времени на коды уйдет?

– Да я-то вообще уже все написал. А срок – месяц.

– Понял, команду составил? Впрочем, ты новенький, никого не знаешь. Значит так, я сам план напишу, на этом я собаку съел и не подавился. Команду подберу. Будут два айтишника, два тестировщика, дизайнер, инженер по ТБ, райтер, корректор, редактор. И еще пару аналитиков добавим. Хотя, нет – с этими умниками лучше не связываться. Одного аналитика хватит. Один у меня на крючке, его постоянно ругают, что он любит независимо работать. А он ни хрена не работает, план не выполняет. На совещания ходит, кружок какой-то ведет. Вид умный, а спросишь про дорожную карту, так он смотрит, как будто первый раз видит. И еще по телефону любит болтать. Один раз я увидел, что он в рабочее время какие-то фотографии на рабочем компьютере обрабатывал. Просил никому не говорить. А я что, никому не сказал. А что говорить? Отдел контроля и так все видит, чем мы занимаемся. У них там искусственный интеллект за всеми следит. Так что он на крючке, придет завтра как миленький.

Хуан на секунду прервался, хлебнул кофе и продолжил:

– Давай совещание на десять утра назначим. Комнату я подобрал, всем сообщения перешлю. А к тебе заскочу после обеда, ты под планом электронную подпись поставишь. У нас

тут все электронное, бумаг вообще нет. Я заявление на улучшение квартиры и то на экране писал. Обещали дать новую. В старой плесень в углу, я чихаю от нее. Если не дадут – пожалуюсь Сильвии. Ты уже был у нее? Отличный врач. За руку взяла и сказала, что я протяну максимум лет десять, если не перестану пить кофе. А я ей рассказал про моего деда, который вообще кофе непрерывно пил. В одной руке кофе, в другой сигарета. Так и помер с сигаретой, а прожил девяносто лет. Сильвия сказала, что у меня может быть такая же генетика, но это маловероятно. И опять мне графики показывает.

Тут он опять хлебнул кофе.

– Я пошел, после обеда заскочу. В обед в спортзал пойду, буду с Липатом ругаться. Он говорит, что нагрузки надо увеличивать, а как их увеличивать, когда у него то низкая влажность, то высокая. Ну, пока.

Хуан захлопнул ноутбук, ногой толкнул кресло, которое покатило не в свой родной кубик. Он догнал его, поправил траекторию, опять хлебнул кофе и засеменял к двери.

– А зачем нам аналитик? – крикнул я.

– Потом поговорим, – услышал я в ответ.

Из соседнего кубика показалась голова Пена.

– Быстро вы справились! – сказал он ослабившись. – Повезло тебе с Хуаном, он шустрый, а мне всегда зануды попадают. Сядет такой, сопит, к каждой цифре придирается. А название проекта может час обсуждать.

– Это формальность, – сказал я.

– Не скажи, завтра увидишь, что все серьезно. Тут к проектам внимательно подходят, к каждой букве будут придираются. Хуана слушай, он парень деловой. Не смотри, что он быстрый, дело свое знает, все у него схвачено, твоя команда будет перед ним по струнке ходить и честь отдавать. Добро пожаловать в корпоративный мир, привыкай!

В обед я заглянул в спортзал, посмотрел на пустующие механизмы, понял, что сегодня опять опасная влажность, и пошел гулять. Мне очень хотелось увидеть Ольгу, но ко мне она не приходила, а я не знал, в каком кабинете она работает. Узнавать это у кого-либо было неудобно – как можно не знать место работы куратора? Звонить ей я тоже не хотел. Почему не хотел – не знаю. Вернее, знаю. После вечернего звонка не хотелось услышать ее серьезный голос.

Влажность и правда была опасная. На небе сгустились тучи, ветер стих, надвигалась гроза. Было душно, я немного побродил по улице, рассматривая витрины магазинов, не нашел ничего интересного и вернулся в свой кубик.

Хуан прибежал так же, как и утром – в одной руке кружка с кофе, в другой – ноутбук.

– Написал план? – спросил он, подталкивая ногой кресло.

– Так ты же... – начал я.

– Я помню, шучу я так. Совсем замотался. Шесть проектов, сплошные совещания. Я тоже ничего не успел. Ладно, мы сейчас быстренько, у меня есть полчаса. Значит, у тебя «волна»? Месяц до сдачи продукта? Ладненько. Дай лист бумаги.

Он сложил лист, открыл ноутбук, прикрыл какие-то строчки и повернул экран ко мне.

– Это проект «Шум-3», тоже на месяц. Я прикрыл описание – тебе это знать не положено. Тут надо только изменить имена, название, даты и содержание.

– А почему три?

– Это третья версия «Шума». У тебя тоже будут проекты «Волна-2», «Волна-3» и так далее. Любой проект требует развития. Так что свободными вечерами думай, как ты будешь развивать и улучшать свой продукт. Ты посмотри на сроки.

Я увидел, что мне предстоит участвовать в пяти совещаниях, написать два промежуточных и один окончательный отчет, согласовать его у трех человек, учесть их замечания, доработать отчет. План заканчивался приемкой проекта комиссией из пяти человек. После этого продукт передавался в отдел рекламы, которая тоже внесет замечания, затем продукт должен быть переработан и передан в отдел маркетинга. Там тоже внесут замечания, мне предстоит снова поработать над продуктом, который будет утвержден еще кем-то. Эти утверждающие были за пределами экрана и понять кто это, мне не удалось.

– Все это надо успеть за месяц, – сказал Хуан. – Ты понял, что расслабляться нельзя? Очень напряженный график. Начинаем работать завтра с утра. С тебя описание продукта. Пришли к вечеру файл, я утром его вставлю в документ, а ты перед совещанием подпишешь.

– А зачем отделы рекламы и маркетинга? Мы разве будем продавать мою программу? Она вроде для внутреннего пользования.

– Ха! Пока для нашего внутреннего пользования, но у других тоже будет внутреннее пользование. Мы будем задавать уровень для всех корпораций земного шара. Мысли глобально, а лучше не думай, а действуй. Есть вещи, которые не сразу можно понять.

– А мы с тобой будем обсуждать сам проект? – спросил я.

– Зачем? Я все равно ничего в ваших буквах-цифрах-закорючках не понимаю. Ты говорил про какие-то графики. Это понятнее. Ось X, ось Y, точки, тренды, уровни всякие. Ты уж сам в этом разбирайся. Я к тебе в помощь аналитика приставлю, если что, он поможет, если запутаешься. Аналитик хоть и бездельник, я тебе рассказывал, но башковитый. Как начнет сыпать словами типа «корреляция», «асимптотика», «точка перегиба»... Сам небось не знает, что это такое, но вид значительный и пишет правильно. Без ошибок, а это начальство любит. И главное – говорит громко и уверенно. По части отчетов у него не очень, но поговаривают, что он и правда толковый. В общем, ты не тушуйся, привыкай к нашему ритму. Тут расслабляться нельзя, деньги зря не платят. Если будешь меня слушаться, то все будет тип-топ. У меня ты четырнадцатый или двадцать четвертый за последний месяц, ни хрена уже не помню, и все успели. Ну, почти все. А кто не успел, тот уже чемодан собрал и на вокзал отправился. Ладно, не бойся. Я шучу. Всего двое на вокзал отправились.

Тут Хуан скорчил гримасу, показывая, что эти двое другого и не заслуживали.

– В общем, ты это... все в срок надо, если что звони, я кому надо дам нагоняй. У меня все получается. Это потому, что кофе пью. Без кофе ничего бы не успевал. Ты все понял? К вечеру описание, утром минут за пять приходи на совещание, мы быстро документ оформим, я его перешлю в отдел контроля, после этого мы с тобой под колпаком. Каждый чих будут контролировать, будем крутиться вместе. Главное – посылать вовремя отчеты. Там искусственный интеллект, с ним не договоришься. Впрочем, знаю я пару нужных людей, они помогут, если что. Но это только в крайнем случае. Если ты заболеешь или ногу сломаешь. Иначе, тут строго. Все понял? Ну, я пошел.

Я остался в кубике, долго смотрел на место, где стоял ноутбук Хуана, потом подошел к Пену.

– Мне кажется, что я ничего не успею, – сказал я сдавленным голосом.

– А куда тебе деваться, успеешь. Все успевают, ты не какой-то особенный.

Пен отвечал нехотя. На экране у него чернел текст с заголовком «Промежуточный отчет по проекту...». Он встал, заслоня экран, сделал боксерские движения, как будто пару раз ударил кого-то в челюсть, потом хлопнул меня по плечу.

– Тебе сказали – не тушуйся, мы всех победим. А Хуан дело знает, с ним не пропадешь.

Я вернулся в свой кубик и на экране обнаружил сообщение от Ольги: *«Тебе надо срочно написать план профессионального развития на ближайший месяц. Для начала выбери в библиотеке три книги по специальности – их надо прочесть, потом написать, как они тебе*

помогли. Список книг согласуй с Иденем и сегодня пришли мне. Завтра в одиннадцать я приду, чтобы согласовать весь план».

Вот так, сухо, без приветов, без «здравствуй». Я ответил: «У меня в десять совещание по проекту».

Ответ был краток: «Я знаю, поэтому в одиннадцать, а не в десять».

В сердце кольнуло. Она обиделась? Я что-то сделал не так, когда был у нее? Нет, она улыбалась, провожая меня. Ладно, завтра все выясним.

После работы я решил прогуляться. Вернее, я ходил по улице, надеясь увидеть Ольгу, но ее не увидел. Вышел Иден, подошел, похвалил, что думаю о профессиональном росте. Спросил, как успехи в спортзале. Иди к черту со своим спортзалом! Мимо пробежал Хуан, кивнул, схватился руками за голову, показывая, что и после работы он чрезвычайно занят. И ты иди к черту! Но вот поток сотрудников уменьшился, перестала хлопать входная дверь, я отправился домой, но ноги сами повернули к клинике.

– Чем могу помочь? – улыбка у блондинки была как приклеенная.

– Я бы хотел пройти в лабораторию.

Да, Мария сейчас была единственным человеком, с кем мне хотелось поговорить.

– Вы были у нас вчера. Что-то не так с вашим анализом?

– С анализом все в порядке. Мне нужно увидеть Марию.

– Простите, а зачем? – голос у блондинки стал очень официальным.

– Это личные дела.

– Что-то случилось? Может я вам могу помочь? – сказала она без тени участия. Поняла лягушка, что я просто так пришел.

– Спасибо, но мне надо увидеть Марию.

– Прошу прощения, но в лабораторию посторонним вход воспрещен.

Я стоял и разглядывал ее бейджик, на котором было написано «Администратор».

– Если что-то важное и срочное, то можете ей позвонить, – добавила она. – Вот ее телефон, запишите себе в адресную книгу.

Я достал телефон и приготовился записывать. Она продиктовала номер, потом сказала уже совсем официальным тоном:

– Если у вас хоть малейшие проблемы со здоровьем, то можете прийти в любое время. Мы работаем круглосуточно. К вашим услугам дежурные терапевт и хирург. Если нужно, то в течение часа прибудет любой нужный вам специалист.

– Спасибо, у вас все прекрасно организовано.

– Мы стараемся, – сказала она.

Я вышел на улицу и понял, что никому звонить не буду.

Аналитик

Мы сидели в комнате для совещаний, залитой неприятным, с оттенком синего светом люминесцентных ламп. Откуда-то сверху лился поток холодного воздуха. Кто-то украдкой начал вытирать нос бумажной салфеткой.

– Кругом автоматика и кибернетика, а климат в комнате отрегулировать не могут, – сказал мой сосед – мужчина лет сорока, полный, явно страдающий одышкой.

– Закаляться надо, – пробурчал мужчина, сидевший напротив.

– Так, коллеги! – бодро сказал Хуан, поднимаясь и ногой отталкивая кресло. – Все собрались – это хорошо. Давайте не будем ругать наш хозотдел, они сделали много хорошего, а маленькие неудобства можно перетерпеть. И правильно сказал товарищ, что надо закаляться. Я каждое утро принимаю контрастный душ. Результат? К врачу хожу только, чтобы убедиться в своем здоровье. Мне вот сейчас даже жарко, а будет еще жарче. Нам предстоит много поработать. Открывайте свои ноутбуки, будем все записывать. У нас мало времени, на проект отведен всего месяц, работы много, раскачиваться нельзя, сразу перейдем к делу. Сейчас все представятся. Так надо, хоть мы друг друга знаем. А вот Марио не знает, он у нас новенький. Но ничего, освоится. Положено ему руководить совещанием, но он не знает, как это делать. Марио, доверьшь сегодня руководство профессионалу?

Я кивнул. Сидевшие за столом начали поднимать руки, называть свои имена, специальность и отделы, где они работают. Я старательно все записывал. Наконец, очередь подошла к мужчине, похожего на Мефистофеля. Во всяком случае именно так я его представлял: высокий, худой, загорелый, впалые щеки, густые черные волосы, нависающие над горящими глазами брови. Он сидел в дальнем от меня углу стола, но я почувствовал его взгляд – цепкий, изучающий. Когда до него дошла очередь, он пробурчал: «Аналитик, аналитик, отдел бизнес-аналитики».

– Простите, я не расслышал ваше имя, – сказал я.

– Я же сказал – Аналитик, – буркнул Мефистофель.

– Это ваше имя?

– Да, и профессия тоже. Я вот только не понимаю, что я тут делаю? У вас прекрасное образование, есть опыт. Зачем вам еще один аналитик? Я буду только время на совещаниях терять.

– А вот и нет! – вмешался Хуан. Глаза его блестели, он всем видом показывал, что мы тут работаем, а не блины едим. – У нас тут никто времени терять не будет. Время теряют, когда ходят по коридору с умным видом или в кресле у окна сидят и на облака смотрят. А зачем нам в команде аналитик – это нам решать с Марио. Любая задача требует коллективного решения. А что Марио – он один. Вот возьмет и направит течение проекта не туда. А проект важный. Впрочем, у нас все проекты важные. Может без бизнес-аналитика у нас качество продукта будет не на уровне. А у важных продуктов качество должно быть такое, что не подкопаешься. Поэтому тестировщики у нас и аналитик. Все в команде, все работают. Месяц пролетит, а кто будет отвечать, если что не так?

Тут Хуан сделал театральную паузу, потом заговорил еще энергичнее.

– Думаете, Марио? Да, Марио. И я – не сумел организовать, направить в нужное русло, проконтролировать. Думать мне некогда, у меня сейчас шесть проектов в работе, а кто тут может думать? Редактор? Корректор? Они будут думать позже. А сейчас должен думать аналитик. Вот аналитик здесь и сидит и думает, как я надеюсь. А простых проектов нет. Вот возьмем пример: надо посчитать площадь квадрата. А это не дважды два. Потому как где этот квадрат? Если у нас на полу, то все посчитают. А если он в пространстве Миньковского? Или Римана? Или Лиувилля? А, я вас спрашиваю?

Тут все переглянулись, половина из нас пожали плечами.

– Пространство кого? – удивленно поднял брови Аналитик.

– Лиувилля, – Хуан заглянул в телефон. – Был такой французский математик, между прочим.

– Чуть какая-то, – пробурчал Аналитик.

– Вот такое я и ожидал! – Хуан от возбуждения выбросил вперед руку. – Незнание надо преодолевать, думать глубже и шире. Простая задача становится сложной, если копнуть и найти смыслы. А смыслов может быть много. Есть даже наука о поиске смыслов. Герменевтика (тут он опять заглянул в телефон) называется. И говорит эта наука, что смыслов всегда много и они меняются со временем. Вот сделаем мы продукт со смыслом, а клиент увидит в нем другой смысл, а через год найдет еще один смысл. И надо, чтобы все эти смыслы были на высоком уровне, не позорили корпорацию, а внушали к ней уважение, вызывали здоровую зависть и восхищение. Вот такая наша задача. Сложная, ответственная, требующая отдачи всех сил и ресурсов!

– Ну, понесло его, каждый раз одно и то же! – прошептал мне на ухо сосед. Он оказался корректором, явно скучал и во время речи Хуана курсором рисовал на экране чертиков.

Хуан еще что-то говорил, но я перестал его воспринимать. Минут через пятнадцать он закончил, сказал, что следующее заседание нашей команды через три дня, и мы разошлись.

В коридоре меня остановил Аналитик.

– Если у вас есть время, то я бы хотел с вами поговорить, – сказал он, зацепившись взглядом за мою переносицу.

– У меня в одиннадцать другое совещание, – я даже пожалел, что разговор будет очень коротким.

– Мы успеем, пройдемте на улицу, рядом чудесный скверик, там нам никто не помешает, – он повернулся и, не обращая на меня внимания, быстрым шагом отправился в вестибюль.

В сквере мы сели на скамейку. День был чудесным, влажность была в норме, небо чистое, без дымки, украшенное белыми облаками.

– У вас правда имя Аналитик? – спросил я первое, что пришло в голову.

– Да, я его взял в Корпорации. Тут это разрешается. Японцы часто выбирают новое имя, когда решают начать новую жизнь. Жизнь аналитика в этом городе меня устраивала, и я решил взять такое имя. Вы не собираетесь менять свое? Впрочем, Марио – красивое имя, легко запоминается.

– Да, я его оставлю. У вас есть вопросы ко мне? – спросил я.

– Этот балабол говорил много, но ни слова не сказал о проекте, – сказал Аналитик. – Так что вы собираетесь делать?

Я рассказал о графиках, добавив, что программа уже готова. Аналитик слушал не перебивая, поглядывая то на меня, то на голубя, который крутился под ногами в ожидании, что мы его покормим.

– Я в этом не сомневался, – сухо сказал он, когда я закончил свой рассказ. – Но правила нужно соблюдать, если, конечно, собираетесь тут оставаться. Но я не вижу, какая вам от меня может быть польза.

– Честно говоря, я тоже не вижу. Проект практически готов, а всякие формальности и отчеты – это поможет Хуан.

Аналитик кивнул, потом как-то дернул подбородком и сказал:

– Он не поможет, но крови вам попортит. Впрочем, все не так сложно. Поначалу кажется, что предстоит заформализованный ужас, но потом у вас будут готовые заготовки, измените в них несколько предложений и дело сделано. Еще свободное время останется.

Мы замолчали. Аналитик посмотрел на часы.

– Вам пора. Кстати, у вас куратор Ольга?

– Да, прекрасный куратор. Четкое мышление, все по делу.

– Согласен, – тут он на мгновение запнулся, потом добавил, – нам надо втроем встретиться в неформальной обстановке. Устроим пикник в выходные. Я ей позвоню.

Тон его был не вопросительный, а твердый, не принимающий возражений. Я закивал, но он, не глядя на меня, резко встал и направился к зданию корпорации. Я еще минуту сидел на скамейке, рассматривая его ладную, спортивную фигуру, потом опомнился и пошел следом.

– Я набросала тебе план, – Ольга была деловита, голос резкий, без теплоты.

Мы сидели у меня в кубике, Ольга придвинула кресло к моему, наши ноги соприкасались. Я открыл файл. Так... за месяц прочитать три книги, на чтение час в день – это после работы. На работе один час для профессионального развития: журналы по специальности, углубить знания программирования.

– Какие знания программирования мне углублять? – спросил я, прижимаясь своим коленом к ее.

Ольга ногу не отодвинула, сидела и спокойно рассматривала свои ногти. Ответила, не поднимая головы.

– Обычно программисты пишут, что углубят навыки объектного программирования. Вот и ты углубляй.

– Объектно-ориентированного программирования, – поправил я ее. – Ладно, углублю. Это все?

– Нет, читай внимательно. Это комплексный план. Отчет обо всем каждые десять дней. Сколько страниц прочел, что полезного узнал. Час в день – это шестьсот страниц за десять дней. То есть три книги в месяц – это легко. Час в день ты должен заниматься спортом. Будешь писать, какие успехи с объектным программированием, сколько часов провел в спортзале, сколько на спортплощадке. Бланк отчета я тебе пришлю. И учти, ты полностью под контролем, так что не вздумай что-нибудь придумывать.

Я нахмурился.

– Если я под контролем, то зачем такие подробности? Ваш искусственный интеллект и так все будет знать.

– Это проверка твоей организованности, – тут Ольга подняла голову. Я ожидал увидеть улыбку, но она оставалась серьезной.

– Спорт... А если влажность опасная?

– Для прогулок годится любая влажность. Прогулки засчитываются, как занятие спортом. В корпорации норма – минимум пять тысяч шагов в день. Если в течение месяца средний показатель будет меньше, то штраф или лишение некоторых льгот. Так что отнесись к этому серьезно. Это в дополнение к спортзалу. Если не нравится ходить по улице – ходи тут по коридору. Или взад-вперед по своей комнате.

– А моя личная жизнь тоже под контролем? – я отодвинулся, понимая, что ей все равно – касаются наши ноги или нет.

– В какой-то мере – да. Я, например, знаю, что вчера вечером ты ходил в клинику. Кстати, почему ты не позвонил Марии? Она приятная хозяйственная девушка.

– Вы и это контролируете?

Я опешил, вот это неожиданность!

– Вся информация в твоём телефоне.

– Ничего себе, как вы живете! А что значит хозяйственная?

– Она ни разу не заказала ужин из наших кафе. И в рестораны по вечерам не ходит. Готовит сама, это редкость.

Она ревнует или ей все безразлично? Ее лицо спокойное, как будто и правда ей все равно.

– Тебя задело, что я хотел с ней поболтать?

– Ни в коей мере! Живи так, как тебе нравится. Только не забудь – отчет каждые десять дней. Я загрузила расписание тебе в телефон, он будет напоминать.

Ага, ревнует! Я заметил, что ее голос немного дрогнул.

– Так... Значит, ты можешь залезать в мой телефон?

– Только в корпоративную область памяти. Куратору это разрешается. Твои личные секреты я не узнаю, да и не хочу узнавать.

Замолчала, смотрит в сторону. Хочет еще что-то сказать или мне кажется?

– Я сегодня говорил с Аналитиком.

– Я знаю.

– Он предложил в выходные устроить пикник. Я, ты и он. Что-то хочет обсудить.

Ольга долго молчала, ответила сухо.

– Пока не знаю, посмотрю свое расписание. Может, в воскресенье найду время. Я вам напишу.

Встала, поправила рукава у блузки, не прощаясь ушла. Я почувствовал, как сжалось сердце. Впрочем, это все ерунда, у нее нормальные женские эмоции. А я-то почему так разволновался?

Цвейг

Дальнейшие дни были не такими насыщенными. В дневнике я нашел только краткие записи: *«встречался с редактором, он просил поторопиться с инструкцией», «инженер по технике безопасности и правда попросил сделать фон графиков серым – молодец, Ольга, все предвидела!»* Хуан забегал по два раза в день и требовал ускорить работу, айтишники вели себя скромнее, один раз они подошли и спросили, когда им начинать. Влажность, наконец, нормализовалась, и я начал заниматься в спортзале на какой-то сложной машине. Липат выдал спортивный костюм, показал, как я должен себя истязать, посоветовал начинать с пятнадцати минут и прибавлять по минуте на каждом занятии.

По вечерам я гулял по жилому комплексу – от моего дома до дома Ольги. Хотел я ли я ее встретить? Да, конечно. Но на улице она не появлялась. На работе я иногда встречал ее в коридоре, мы раскланивались и расходились. Иногда она изображала улыбку. Именно изображала. Бывает так, что губы улыбаются, а глаза – нет. Смотрят сквозь тебя, как будто сзади что-то более интересное.

На одной из прогулок я встретил Цвейга. Мы оба обрадовались, как радуются встрече старые друзья, разлученные непреодолимыми обстоятельствами. Даже обнялись на радостях.

– Ну, как устроился? Очень рад тебя видеть, – Цвейг прямо светился от счастья. Странно, но и я светился. Встретились два одиночества, по-другому не скажешь.

Я рассказал о своих новостях, о влажности, мешавшей жить в первые дни, о моей команде для выполнения проекта.

– А кто куратор? – Цвейг знал правила корпорации.

Узнав, что мой куратор Ольга, Цвейг поднял большой палец, сказал, что лучшего куратора быть не может, он помогал ей перевозить вещи, когда она купила квартиру, и они почти подружились.

– Что значит почти? – спросил я.

– Ну, как сказать. Она, конечно, в верхах парит, а я кто? Но с тех пор иногда болтаем, когда встречаемся. Помогла мне однажды.

– Расскажешь? – мне было интересно все, что связано с Ольгой.

– Без проблем. Я люблю пиво и из рейса часто привожу пару коробок. Не злоупотребляю, конечно, но люблю вечерком уговорить бутылочку. Я и Ольге привожу. Вино, обычно. Она белое любит, я ей пару бутылок прихватываю. Она в основном овощи ест и белым вином запивает, но по субботам – мясо. Тогда она красное пьет. Это она сама покупает, какие-то определенные сорта любит, это я запомнить не могу. А с белым я редко ошибался. В тот раз привез две коробки с пивом, перетащил к себе, но, видно, кто-то из соседей заметил и стукнул. А может на камере засветился, тут они везде понатыканы. В общем, на следующий день мне сообщение от Хелен – зайти, дескать, разговор есть. Ну я пришел, ты ведь Хелен знаешь, я помню.

Я кивнул, разговор становился все интереснее.

– Ну вот, прихожу к ней в кабинет, а она как тигрица. Красивая, лапы мягкие, а в глазах явное желание сожрать. «Что, – говорит, – забыл историю с твоим приятелем? Правила нарушаешь?» А правила у шоферов такие: пару бутылок можно привезти, а так чтобы коробками – запрещено. А вдруг я продавать начну? Или сопьюсь, чего доброго. В общем, Хелен так ласково читает мне лекцию, а потом говорит: «Надо тебя уволить, но нам сейчас шоферы нужны. А пока штрафую тебя на месячную заплату. Повторится – вылетишь в течение часа». И так ладонью презрительно махнула – уходи с глаз долой, видеть тебя не могу. Я вышел, ноги ватные, как будто марафон пробежал. Звоню Ольге – так и так. Не знаю, что делать. Ольга молчит – есть у нее такая привычка. Не любит говорить, пока все не продумает. Потом коротко: «Я

тебе завтра позвоню». И все, разговор закончен. Но я успокоился, знаю, что она на ветер слов не бросает. На следующий день звонит в обед: «Все в порядке, зарплату получишь, но будь дальше аккуратнее». И все, конец связи.

– И что дальше, ты перестал пиво возить? – история мне очень понравилась.

Цвейг оглянулся, кашлянул.

– На следующий день звонит. «Выходи, – говорит, – погуляем». Пошли мы с ней в парк. Я интересуюсь, как она Хелен переубедила. Она плечами пожимает, не хочет рассказывать. Говорит, чтобы я был осторожнее и коробки в дом не таскал. «Возьми сумку, – говорит, – и носи по четыре бутылки. Зачем тебе сразу коробка?» Умная она, почему мне это в голову не пришло?

– Я не понял – разве есть закон, запрещающий продажу алкоголя? – спросил я.

– При чем тут закон? Ты я вижу еще ничего не понял. Тут правила корпорации а все магазины принадлежат ей. Если заметят, что они продают пиво, то уволят директора. Говорят, что так они о нашем здоровье беспокоятся. И о безопасности. Все как вши по струне ходят. Шаг влево, шаг вправо – сразу вниз. На вокзал, точнее. А эти идиотские правила? Про пять тысяч шагов в день тебе сказали?

– А как же!

– Мне немного проще – в дни рейсов ходить не надо. А так – дождь ли, снег – вставай и иди! Я приноровился на Северный холм ходить. Туда-обратно как раз пять тысяч выходит. Вечерами там красиво. Солнце заходит, прерия до горизонта, речка внизу, там лесок небольшой. Выпьешь бутылочку и назад под горку. Но знаешь, что скажу?

Тут Цвейг опять оглянулся.

– Странные вещи на том холме происходят.

Он замялся.

– Да что мы тут стоим. Я сегодня из рейса, никуда идти не надо. Пойдем ко мне. Есть свежее пиво, рыбка соленая, хлеб нормальный, а не эти пресные багеты из «Метелки». Огурцы, помидоры... Все с рынка, домашнее, а не из теплиц на гидропонике. Покажу, как живу, расскажу много интересного. Тебе пригодится, если собрался тут оставаться.

Студия Цвейга было точной копией моей. Аккуратно, чисто, но на письменном столе и на комодке стояли десятки безделушек, покрытых пылью. Цвейг перехватил мой взгляд.

– Уборщица ворчала, что ей долго пыль с них вытирать. Я ей сказал, чтобы ничего тут не трогала. Сам иногда пыль вытираю, но редко, если честно. Это мне все подарили. Приедешь перевозить кого-нибудь, а он сидит и вздыхает, не успел все упаковать. «Бери, – говорит, – что хочешь». А один мне даже картины подарил.

Над столом и диваном висели копии картин Рубенса. Полные обнаженные женщины смотрели куда-то вбок, не обращая на нас внимания. Я подошел ближе и увидел мазки масляных красок.

– Он это сам нарисовал. У него еще Мона Лиза была, вот это вообще класс. Настоящая, которая в Лувре, какая-то малахольная. Улыбка – как будто все про тебя знает и сейчас скандал устроит. А цвет лица – прямо в гроб можно класть. А у него Лиза как Лиза. Кровь с молоком, глаза сверкают, улыбается, как будто вкусный ужин приготовила и тебя приглашает. Короче – готова хоть в койку, хоть под венец.

– А имя Цвейг ты здесь получил? – спросил я.

– Ага, мне Хелен сказала, что у меня тут новая жизнь и новое имя поможет забыть старую. А я что. Раньше у меня жизнь тоскливая была. Ни денег, ни квартиры нормальной. Я и решил назваться Цвейгом. Это писатель такой был. Я с одной барышней встречался, так она его книгу «Нетерпение сердца» чуть ли не наизусть выучила. Сам я не читал, но имя запомнил и решил так называться. А что, он нормальный мужик был?

– Нормальный, только с собой покончил.

– Это бывает, когда болеешь или все потерял. Ты садись, я быстро.

Цвейг достал из холодильника две бутылки пива, тарелку с копченой скумбрией, помидоры, огурцы... Быстро накрыл стол, стал нарезать огурцы.

– Чувствуешь, как пахнет! Огуречный запах для меня самый полезный. Моя бабка, когда огурцы резала, звала меня в помощь. С тех пор, как разрежу огурец, так детство вспоминаю. Здоровый я был, резвый. Вот сейчас режу огурец и хочется босиком бежать на речку рыбу ловить или в соседский сад залезть и яблоч нарвать.

– А что там на холме? Ты обещал рассказать.

Цвейг разлил пиво по стаканам, мы сделали по глотку.

– Как тебе сказать. Придешь – вроде все нормально. Там плоский камень лежит, за день нагреется, тепло на нем сидеть. Вот сижу я минуту, другую и вдруг начинаю дрожь ощущать. Как будто по камню ток идет. Знаешь, когда к включенному утюгу палец приложишь, а он дрожит. Вот так и там. А потом начинаю голоса слышать. Иногда как будто спорят двое. Или кто-то лекцию читает. Слов не разобрать – бу-бу-бу... Но голоса явно человеческие. Но это не всегда, один раз в три дня, примерно. Я уже загадывать стал: если голоса, то быть неприятностям. И ты знаешь – сбывается. То деньги потеряю, то ключи дома забуду, то в аварию чуть не попаду.

– Может, тебе кажется? Ветер, например, воет.

– Если бы один раз, то я бы и внимания не обратил, а так ведь один раз на третий.

– А неприятности... это возможно совпадение. Знаешь, как бывает? Совпадет – запомнишь. Не совпадет – забудешь.

– Все возможно. Ладно, ты закусывай, рыбка вкусная, свежая.

Я выпил пиво и стал разглядывать картины.

– Этого художника я потом в корпорации встретил, – сказал Цвейг. – Он тут корректором работает. Спросил его: «Доволен?» А он начал ныть, что делать ему тут нечего. У них там редактор, так он лучше всякого корректора. И стиль поправит, и ошибки заметит. Корректор этот только текст прочитает, да распишется, что все нормально. «Работаю, – говорит, – десять минут в день. Остальное время совещания». Он спасается тем, что книгу пишет. Кажется, «Особенности стиля корпоративных документов» называется. Ему это разрешили в рабочее время. Я сдуру попросил почитать, он мне прислал файл с тремя главами. Я посмотрел... Ну, я скажу тебе! Как можно за это деньги платить! Так и я могу написать «Особенности вождения корпоративного грузовика». Бла-бла-бла на триста страниц.

– Будешь писать – добавь главу о перевозке пива.

Цвейг расхохотался.

– Верно! С такой главой книга будет нарасхват, я миллионером стану.

Он открыл вторую бутылку.

– А про Ольгу я тебе так скажу. У нее тут авторитет такой, что нам и не снился.

– С чего бы это? – удивился я.

– Контроль! – Цвейг поднял вверх указательный палец.

– Она в отделе контроля работает?

– Неее... Отдел контроля ваши проекты контролирует, а она из отдела социальной безопасности. Все камеры, телефоны, переписка наша – это все через ее отдел проходит. Не знаю, кто она по должности, но у нее все под контролем. И на каждого у нее досье. Вот мы сидим тут, а она это знает. Или узнает потом, если заинтересуется.

– Подслушивает?

– Нет, запрещено это без специального разрешения. Но геолокацию телефонов она видит.

– Что за специальное разрешение?

– Это если подозревают, если ты что-то делаешь во вред корпорации.

– А по телефону через микрофон могут прослушивать?

– Могут, но я тебе говорю, что специальное разрешение для этого нужно. Так что звони мне спокойно, если, конечно, не хочешь что-нибудь тут взорвать.

Разговор становился все более интересным. Значит, у Ольги работа такая – все про всех знать!

– А откуда у нее досье на каждого? – спросил я.

– Есть у них умная машина с искусственным интеллектом. Она из того, куда человек пошел, что купил, с кем встречался может очень много выводов сделать. Понимаешь, о чем я?

– То есть любая тайная организация сразу станет явной?

– Мгновенно! Даже и не думай тут подполье устраивать.

– Какое подполье? Чтобы украсть пончики из «Метелки»?

Цвейг хмыкнул.

– Как сказать, как сказать. В корпорации огромные деньги крутятся. Знаешь какие тут зарплаты? Знаешь, конечно. Бездельникам всяким платят и не морщатся. Да еще этот холм с голосами.

Мы допили пиво, съели все, что было на столе и я стал прощаться. У двери Цвейг подошел ко мне почти вплотную и тихо сказал:

– Ты если с Ольгой задумаешь замутить, то знай – только время потеряешь. Она вся в своей работе. И задумала что-то. Мне намекала, что может попросить помочь ей кое-что отвести.

– А ты Аналитика знаешь? – спросил я.

– Чернявого такого, длинного? Конечно, личность известная. Знаешь... Ты от него подальше держись. У него что-то не то на уме. Он, кстати, с Ольгой много общается. Так что думай...

Цвейг выпил много больше, чем я. Провожая, он долго смотрел на меня мутными, но веселыми глазами, потом посерьезнел, похлопал меня по груди и сказал почти шепотом:

– Ты это... Ты бди. А то сам знаешь, как бывает...

У подъезда я посмотрел в телефон – всего четыре тысячи шагов. Пробурчал все, что думаю о правилах корпорации, и пошел навестывать недостающее. У сквера остановился, спрятал телефон под кустом и направился к клинике. «Вот, – думаю, – никто не узнает о моих слабостях. И черт с ними, с шагами, завтра наверстаю». У клиники я долго прикидывал, где находится окно лаборатории, подошел к нему, увидел плотно закрытые жалюзи и отправился домой.

Мысли о том, что мне придется так жить еще три года, привели меня в состояние, близкому к депрессии. В дневнике появилась длинная запись, которую я приводить не буду. Не хочу вспоминать то состояние еще раз.

Пикник

Вечером в пятницу пришло сообщение от Ольги: «*Воскресенье, десять утра, у моего подъезда*». Вот так, кратко, четко, без каких-либо эмоций. И никаких дискуссий и возражений. Приказ, как у военных. Мы с Аналитиком должны прибыть в десять утра к ее подъезду, даже если начнется конец света. В субботу я заказал в «Метелке» буженину, фрукты, какие-то овощи, сварил три картофелины, купил в магазине несколько бутылок «кока-колы». Ничего больше придумать не смог и решил, что этого достаточно.

Аналитик стоял у автомобиля и что-то разглядывал в открытом багажнике.

– Выбрал самую большую машину, – сказал он, не поздоровавшись. – Вот смотрю, не забыл ли чего.

В багажнике аккуратно были упакованы складные стулья, столик, газовая плитка с баллонами, шашлычница, мешок с углями, сумка-холодильник. Для моих скромных пакетов тоже нашлось место.

– Что принес? – Аналитик заглянул в пакет. – Буженина из «Метелки»? Отлично. Готовить ее они не умеют, но я сделал чесночный соус с хреном, так что будет вкусно. Закусим, пока будет жариться шашлык. Вот, смотри!

Это был совсем другой человек, не сухой, не деловой, а какой-то домашний, с мягким шутливым голосом. Он открыл сумку-холодильник и показал мне большой пакет с мясом, перемешанным с репчатым луком.

– Мало кто умеет правильно мариновать мясо для шашлыка, – весело продолжил он. – Никакого уксуса, никакого вина. Только лук и соль. Много лука. Тогда мясо будет сочным и вкусным. Я встал сегодня в шесть утра, успел все сделать.

В углу сумки я заметил бутылку водки.

– Откуда такое богатство?

– Места знаю, – Аналитик был явно доволен собой. – Ты как к этому?

– Вообще не очень, но к мясу можно.

– Аналогично. Ольга, наверное, красное вино возьмет, но мы-то знаем, что будет лучше.

Кстати, мы поедем в сказочное место: река, сосны, песчаный пляж, прозрачная вода. Плавки взял с собой?

Я отрицательно помотал головой.

– Дома есть?

– Нет, к сожалению. О купании я как-то не думал.

– Не беда, по дороге купим, это быстро.

У него в кармане звякнул телефон.

– Ольга просит помочь, – сказал он, глядя в экран. – Ты посторожи наши сокровища, а я к ней поднимусь.

Я остался у открытого багажника. Начинало припекать, облака куда-то ушли, солнце слепило глаза. По тротуару ходили люди и смотрели в телефоны. «Шаги считают, – подумал я. – Что за idiotские правила?» Из головы не выходил разговор с Цвейгом – все ли я правильно делаю? Не ошибка ли, что согласился на этот пикник? И что вы думаете – легок на помине. Цвейг появился, как из воздуха слепился. Подошел, кивнул, заглянул в багажник.

– Пикник? – он даже не спросил, сказал утвердительно.

– Ага! – я почувствовал себя не просто нарушающим какие-то правила, а предателем. Меня предупреждали, а я вот так...

– Судя по запасам – это машина Аналитика, – уверенно сказал Цвейг. – У него все так. Капитально, на все случаи жизни.

– Да, мы с ним и Ольгой... – начал я.

– На речку?

– Вроде, да. Он говорил про какой-то пляж.

– Знаю я это место, – кивнул Цвейг. – Там песчаные блохи есть. Сядешь на песок после купания – обязательно кто-нибудь цапнет. И слепней полно. Нигде нет, а том полно. Так ты это... решил разведку боем провести, прямо в пасть к темным личностям? Хотя нет, с Ольгой все будет нормально, если с ней о работе или о проблемах. А вот Аналитик... Будет тебя агитировать – молчи. Наливай и пей молча. Или кивай с умным видом – ты так умеешь, я видел. Потом расскажешь?

– Расскажу, конечно, – я чувствовал, что не могу перехватить инициативу в разговоре. Да и не хотел, если честно. Хотел, чтобы он быстрее ушел.

– Ладно, я пошел на свой холм, – Цвейг как почувствовал, что я не хочу продолжать разговор. – За мной пиво и соленая рыба. Жду завтра или, когда сможешь. Звони.

Все, ушел. Можно выдохнуть, обдумать. Но обдумать не удалось – из подъезда показались Ольга с кастрюлей в руках и Аналитик с двумя пакетами.

– Баклажаны в томатном соусе, – сообщил он, тщательно упаковывая кастрюлю. – Ольга умеет их готовить, я так не могу. Пробовал – не получается.

– Аник, – сказала Ольга, – не пытайся быть лучшим везде и всегда. Дай и другим вкусить радость победы.

– Ради бога! – захохотал Аналитик. – Перед женщинами я всегда сдаюсь и признаюсь во всех грехах и своей бестолковости.

– Балабол, – улыбнулась Ольга. – Привет, Марио!

Подошла, чмокнула в щеку, посмотрела, вытерла пальцем поцелованное место.

– Зря я помадой намазалась, – сказала она, посмотрела на Аналитика, заглянула в багажник. – Поехали, а то уже припекает.

В магазине Аналитик выбрал для меня черные плавки с золотыми драконами.

– С драконами ужас, лучше вот эти посмотри, – сказала Ольга, держа в руках темно-синие, без рисунка плавки. – И стоят в два раза дешевле.

– Значит, надо брать с драконами! – Аналитик развеселился. – Как там говорят – мужчина должен внушать ужас? Марио, ты как считаешь?

– Синие нравятся, – виновато сказал я.

– И правильно! – Аналитик опять расхохотался. – Женщины в таких вещах разбираются лучше.

Город быстро закончился, началась прерия. Дорога петляла вокруг высоких холмов, на пологие взбиралась плавным серпантинном. Аналитик рассказывал о наших планах: что и как будет готовить, как он попробует наловить раков, как он научит Ольгу плавать стилем баттерфляй, как он лично намажет меня солнцезащитным кремом... Я слушал молча, Ольга иногда вставляла замечания, что стиль баттерфляй ей не нравится, раков она не любит и нам не советует без пива, что спала она плохо и собирается вздремнуть там в тени, что ей нравится запах разогретой сосновой смолы и что она будет купаться вдалеке от нас, а то Аник будет шуметь, плескаться, а ей сегодня нужен покой.

Потом все устали. Ольга задремала, я смотрел в окно, где не было даже малейших признаков цивилизации. Наконец машина взобралась на холм, впереди блеснула река, окруженная темными зарослями.

– Приехали! – возгласил Аналитик.

Мы проехали мимо полянки, где стояли деревянные столики для пикников, вокруг которых веселилась большая шумная компания, и остановились около приятного места с зеленой

травой и небольшим песчаным пляжем. Вокруг росли невысокие сосны, на берегу реки склонились к воде ивы.

– Сосны корпорация посадила, – сообщила Ольга. – Лет пять назад, а как вымахали!

– Зона отдыха? – спросил я.

– Считай, что так, – сказала Ольга. – Тут прекрасный берег мили на три, места всем хватает. Хотели домики построить, но я провела опрос – все были против. Тут и так хорошо. Приехал, искупался, погулял вдоль реки...

– И назад трудиться, – добавил Аналитик. – Все, кончайте разговоры, действуем по плану.

Через полчаса на столе, накрытом клеенкой в красно-белую клетку, стояли тарелки с бужениной, овощами, хлебом и вареной картошкой. На газовой плитке грелась кастрюля с баклажанами, у шашлычницы, откуда шел запах дыма и жареного мяса, колдовал Аналитик.

– Ты бы мог пригласить Марию, – сказала Ольга, наливая в стаканы красное вино. – Она бы нам не помешала – вы бы наперегонки за ней ухаживали, а я бы подремала в тенечке.

– Мы лучше будем за тобой наперегонки ухаживать, – сказал я, делая глоток.

– Вот только этого мне не хватало, – Ольга со скучающим видом смотрела на голубую воду реки. – Я сюда отдыхать приехала, а не пикироваться с вами. Вы свои проблемы сами решайте, а я буду в сторонке, где вас не будет слышно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.